

Марианна Красовская

18+

ГЕРЦОГИНЯ
Ветер судьбы

Марианна Красовская Герцогиня. Ветер судьбы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69450733

SelfPub; 2023

Аннотация

Я – последняя из древнего рода, и задача моя проста: найти мужа и родить сына. Беда в том, что единственный мужчина, который мне нравится, бежит от меня, как заяц от гончей. А еще... он влюблен в другую, которая тоже – я, но в маске. Как всё запутанно! А когда я заполучила все-таки своего любимого – тот сбежал от меня на край света и пропал без вести, говорят, даже погиб. Но я в это совершенно не верю...

Содержание

1. Испытание	4
2. Слова на ветер	16
3. Совпадения	23
4. Граф Волорье	30
5. Старые друзья	41
6. Приглашение во дворец	49
7. Охотник и добыча	58
8. Кораблекрушение	67
9. Женский заговор	76
10. На Север	84
11. Ниххонский театр. Акт первый	93
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Марианна Красовская Герцогиня. Ветер судьбы

1. Искушение

Танец с веером – это не столько танец, сколько показательный бой. Девушка в танце демонстрирует гибкость, ловкость и точность, и все это – под музыку. Ни одного лишнего движения. Ни одной заминки. Ни одного неверного шага. Каждое движение подобно кинжалу – острое, меткое, поражающее цель.

Темнота – мой союзник. Помост для танцев освещается лишь светом масляных фонарей, уже изрядно прогоревших. И ещё широкие рукава – они моя защита. Потому что мне сложнее, чем другим девушкам: я не ниххонка. Если кудрявые волосы я ещё уложила в тугую причёску, смазанную маслом и яичным белком, то разрез глаз и их цвет не скрыть даже косметикой. А это значит – лицо всегда должно быть прикрытым веером или широким рукавом.

Этот танец – завершающая часть обязательного экзамена. Я сама так решила, несмотря на то, что родители отговаривали меня. С кинжалами и ловкостью было проще. Вот красота... тут недостаточно одних тренировок, тут нужно чутье. Грация. И то самое, что мужчины называют «искушением».

Внутренняя моя птица жаждет петь. В груди кипит нетерпение. Волнение последних дней почти выплескивается наружу, я уже даже стоять не могу, пританцовываю. Нет, никогда из меня не выйдет «охотницы»: я, скорее, приманка. Я просто умру от нетерпения. Как сейчас. Мой танец в самом конце, это и хорошо, и плохо. Плохо – что гости устали. Хорошо – что меня непременно запомнят. Надеюсь, запомнят как самую красивую, а не как неудачницу.

Чтобы успокоиться, я разглаживаю складки своего кимоно. Самое дорогое, самое красивое – отец не жалеет на меня денег. Даже у дочери дзёнина нет такого шёлка, что светится изумрудом трав и россыпью полевых цветов. Разглядываю роскошную вышивку, ковыряю ее пальцем, то и дело одергивая себя. Невозможно! Меня всю трясет от волнения. И почему я не воспользовалась мамиными успокаивающими зельями?

Музыка стихает, и Есианага Кио, моя главная конкурентка и лучшая подруга выскользывает из-за занавеса и шелестит мимо, едва ощутимо задевая меня рукавом. Я дергаюсь, как от удара. Ени ничего не делает просто так. Но проверять, всё ли в порядке с моим нарядом, уже поздно. Играет музыка летнего дождя, а это значит, что мне нужно выходить.

И я выплываю. Вполоборота, прикрыв лицо веером. Кружусь, взмахивая своим оружием, гнусь волной, перетекая из одного движения в другое, подбрасываю веер и ловлю его у самого пола, прогибаясь, касаясь висячими цветочными

заколками подола платья. Расправляю крылья рукавов, прячась, ускользая, ловя каждый звук струны, каждый перезвон мелодии.

Я – птица. Я гордо расправляю перья, я красуюсь, я прячусь в траве. Я бабочка – легкая, изящная. Я дракон – убивающий врага одним обманным ударом хвоста.

Прикрывая лицо рукавом – у меня все движения такие – незаметно достаю из-за пояса второй веер... и пояс падает к моим ногам. Ени ухитрилась подрезать его! Она знала мой танец наизусть и все просчитала! Складки кимоно расправляются, теперь мне ещё приходится следить, чтобы моё одеяние не разошлось. Не пристало майко показывать что-то, кроме кистей рук.

Танец удалось закончить с немалым трудом. Я ухитрилась даже отбросить несчастный пояс ногой – чтобы не споткнуться об него нечаянно. Последний взмах крыльев: я опускаюсь на колени спиной к зрителям, позволяя высокому вороту кимоно соскользнуть вниз, так, чтобы обнажился незащитный затылок и тонкая шея. Отчего-то мужчин заводит эта часть тела.

Я была права: дружный вздох прокатился по той части зала, где сидели зрители. Вряд ли бы обычный поклон вызвал такую реакцию.

Покидала помост победительницей – гордо выпрямив спину, не оглядываясь. Знала, чувствовала, что я лучшая. О, если бы я пожелала участвовать в торгах за восход своей лу-

ны – была бы самой дорогой майко. За дверями меня ждала мама. Она всегда поддерживает меня. Отец, к счастью, не знает, что я тут. Хоть стыдиться мне нечего, танец был абсолютно пристоеен и очень целомудрен, но то, что начнётся потом... и неважно, что я в этом не участвую. Нет, он бы не ругался. Молчал бы, так холодно поглядев на меня... Он одним взглядом умеет передавать недовольство своей излишне порывистой дочерью.

– Ты прекрасна, как всегда, – сообщила мне мама. – Держи, я принесла тебе одежду.

Я быстро скинула тяжёлый шёлк и надела простой костюм служанки: широкие штаны и простое чёрное кимоно без рисунка. Смыла с лица грим. Распустила волосы. Мама тем временем аккуратно сложила скользкий тяжёлый шелк в большую суму.

– Хочу послушать, что они говорят, – призналась я маме. – Ужасно любопытно!

Она кивает.

Настоящая служительница Луны должна быть холодна и невозмутима, но я не собираюсь становиться ею, да и нет внутри меня ни холода, ни терпения. Поэтому я крадусь вдоль стены, а потом ловко карабкаюсь на деревянную балку возле окна, нисколько не удивляясь уже притаившейся там серой тени.

– Последняя хороша, – говорит кто-то.

– Она хороша в танце, но внешне – дурнушка, – лениво

возражает сидящий в левом углу мужчина.

– С чего ты взял, Ю-Вей?

– Она лицо закрывала постоянно. То рукавом, то веером. Или шрам у неё большой, или нос кривой, или родимое пятно на половину щеки. Остальное-то макияж скроет.

Ишь, какой внимательный!

– Бр-р-р, а ты прав, пожалуй. Так что же, не будешь её покупать?

– Только её и купил бы, сам понимаешь.

Отчего-то мужчины раздражаются хохотом, а мне непонятно. Ени тоже пожимает плечами. Мужчины обсуждают нас всех... называют цены. К примеру, за Ени предлагают аж две тысячи риссов. Очень заманчиво. Меня не хочет никто. Я не собиралась участвовать в торгах, но теперь меня это злит. Незнакомый мне Ю-Вей все испортил. Приподнятое настроение улетает прочь, как птица. Я соскакиваю на землю и запрокидываю голову, делая вид, что рассматриваю звёздное небо, а на самом деле – загоняя обратно непрошенные слезы. До чего ж обидно, когда тебя – самую лучшую – просто смешали с грязью.

– Я, пожалуй, соглашусь, – сообщает мне Ени с совершенно равнодушным лицом. – Две тысячи риссов – это очень много. Немного потерпеть – и такая сумма! Все равно мне придётся от девственности избавляться, так хоть красиво и за деньги.

Я передергиваю плечами. Хоть и училась вместе с Ени, но

все равно – мне её жаль. У неё нет выбора, на самом деле.

Впрочем, у меня тоже.

– А ты ловко с поясом выкрутилась, – хвалит меня Еси-нага.

– А ты ловко его подрезала, – улыбаюсь, наконец, я. – Спасибо, выступление произвело незабываемое впечатление.

Мы смеёмся.

– Не переживай из-за Ю-Вея, – говорит Ени. – Возможно, он специально. Чтобы ты никому другому не досталась.

Я только плечами пожимаю. Даже если и так – все равно неприятно.

На входе в дом меня перехватывает дайна Такуони и шепчет мне:

– Деточка, господин Ю-Вей предложил за тебя три тысячи риссов, а когда я сказала, что ты не участвуешь в торгах – пять тысяч. Ты точно не передумала?

Я замерла. Неожиданная щедрость. Неужели Ени права? Неужели он специально охладил пыл остальных? Нет, бред. Пять тысяч – огромные деньги. На них можно безбедно жить несколько лет. Никто не платит столько за восход Луны!

Неужели... пожалел?

Меня охватила настоящая ярость. Он действительно счёл меня убогой! Он хочет дать мне милостыню! Какое унижение! Мне, лучшей ученице дайны!

– Передайте господину Ю-Вею, что я принимаю его предложение, – отчеканила я. – Пойду готовиться.

– Умница! – хлопнула в ладоши Такуони. – Беги. Твоя комната будет зелёная.

Внутри все клокотало. Да я ему! Да я его! Побежала домой, точнее, в тот дом, что снимали родители здесь, в Ньяхо. Ворвалась в комнату матери, открыла её шкатулку. Да, то, что надо! Настой, вызывающий сон и лёгкие галлюцинации. Будет вам, господин Ю-Вей, девственница! Больше, чем вы себе можете представить!

А затем – макияж. Рисовая пудра. Алая помада. Крохотный ротик сердечком. Густо подведенные глаза и брови и маска. Алая с золотом, с птичьим клювом и перьями. Простое белое кимоно с алым поясом.

А вот волосы... волосы не спрячешь. Зря распустила. Теперь только могу завернуть их в пучок и закрепить парой шпилек. Плевать, кто будет рассматривать волосы, если в его руках обнажённое тело?

В зелёную комнату входила без трепета. Сняла деревянные сандалии на пороге, вплыла, поставила поднос с чашками и чайником на низкий столик и, наконец, подняла глаза на возлежащего на постели мужчину.

Замерла в удивлении.

Во-первых, не ниххонец. И волосы светлые, и бородат, и глаза круглые.

А во-вторых, левую щеку пересекает безобразный рубец от удара саблей или кинжалом. Он идёт от подбородка и

скрывается в волосах. Рассечена бровь, и левый глаз мутный, явно неживой. Я рассматриваю его, не скрывая интереса. Шрам уродлив, а сам мужчина красив. И тело у него не такое, как у ниххонцев: плечи широкие, на груди кучерявятся светлые волосы, руки тоже ужасно волосаты.

На нем полурасстегнутая рубашка с закатанными рукавами и узкие штаны. Удивительно! И страшно. Я слышала, что чужестранцы куда более щедро одарены природой, чем ниххонцы. Для первого раза – ничего хорошего.

– Не нравлюсь? – гулко спрашивает чужак. – Хочешь уйти? Не держу.

– Простите, господин, – опускаю голову я. – Не ожидала увидеть... чужестранца.

– Если не мил, можешь уйти прямо сейчас, – спокойно говорит он. – Не бойся, денег назад не потребую.

– Я вас совсем не знаю, – удивляюсь я. – Отчего же сразу сбегать? Вы пока ничем меня не оскорбили и не напугали.

– Серьёзно? Ладно. Тогда иди ко мне.

– Не желаете сначала выпить чаю?

– Наливай.

Плоский чугунный чайник раскален. Я оборачиваю его ручку салфеткой и осторожно разливаю чай в крошечные фарфоровые чашечки.

Незнакомец подбирается поближе. Я подаю ему чашку с поклоном, он осушает её одним глотком и морщится.

– Ну и гадость этот ваш зеленый чай, – заявляет он. – Все?

Танцы закончились? Иди ко мне, цветочек.

Я сглатываю. Мне страшно. Я в любой момент могу его убить, но это не дело. Впрочем, спать с ним я тоже не собираюсь.

– Как тебя зовут, девочка?

– Виро, – вру я.

– Красивое имя. Маску не снимешь?

– Нет.

– Как же я буду пробовать твои губы?

– Никак. В Ниххоне не целуют губы. Это слишком бесстыже и вообще неприлично.

– А девственность продавать прилично? – смеётся светловолосый. – Скажи честно, страшно тебе, цветочек?

– Да.

– Чего боишься?

– Боюсь, что достоинство у вас слишком большое, – спокойно признаюсь я. – Больно будет. Я бы предпочла ниххонца. У них размеры скромнее.

Светловолосый хохочет так, что у него на глазах выступают слезы.

– Прости, цветочек. Но ты просто очаровательна. Я буду осторожен, правда.

Он берет меня за плечи и укладывает на футон. Так, а ведь он здоровый как медведь. Не мало ли я зелья добавила в чай? Вот будет забавно, если не сработает! От этой мысли у меня перехватывает дыхание. Что же – я и в самом деле ли-

шусь невинности? Прямо сейчас – с незнакомым мужчиной? А здоровяк тем временем развязывает пояс кимоно, под которым ничего, совсем ничего нет. Судорожно вздыхает, упираясь взглядом в мою грудь. Я начинаю паниковать. Да, у меня слишком большая грудь! Стандарт красоты требует, чтобы грудь едва была заметна. Маленькие холмики, не больше. Но у меня холмики довольно выдающиеся. Округлые.

– Ты прекрасна, – сдавленно шепчет мужчина, обхватывая ладонью грудь и проводя шершавым пальцем по соску. – Давно не видел подобного совершенства.

Врёт, наверное, чтобы меня успокоить, но я не против. Пусть говорит приятные слова. Пусть разглядывает. Он наклоняет голову и целует левую грудь. Нежно. Щекотно. Странно. Втягивает в рот сосок. Снова щекотно – только на этот раз внизу живота. Я вздрагиваю от неожиданных ощущений и сжимаю ноги, а губы Ю-Вея спускаются ещё ниже. Язык выписывает узоры на трепещущем, подрагивающем животе, борода раздражает и волнует. Я уже совершенно забыла, что подлила ему сонного зелья, я вообще ни о чем не могу думать, кроме странного томления между ног.

Я не скромница, да и во время обучения видела всякое. И на каменных фаллосах определённые виды любви мы тренировали. А еще нас учили самим себе доставлять удовольствие, потому что мужчины бывают слишком стремительны, а застой крови в женских органах вреден. Я не особо усердствовала. И уроки "доставь удовольствие подруге" пропуска-

ла. Но что такое возбуждение, знала. Умела его в себе ловить, возвращать – чтобы не оскорбить мужчину сухостью лона. К лунницам приходят всякие клиенты, некоторым нужна помощь.

Этому помощь была не нужна. Опыта у него хватало, и желания доставить мне удовольствие тоже. Когда его пальцы скользнули между моих ног, они нашли там достаточно доказательств, что я совсем не равнодушна к его ласкам.

– Мокрая, – шепнул он. – Горячая. Уже не страшно?

Я мотнула головой и застонала тихо и жалобно, а он, улыбаясь, ласкал меня пальцами... все медленнее и медленнее... а потом его голова бессильно упала на подушку.

Я чуть не взвыла от разочарования. Распаленная, тяжело дышащая, я рассматривала своего почти-первого мужчину и остро сожалела, что подлила ему этого проклятого зелья. Не в силах сдержать любопытства, дернула за шнурок штанов, выпуская пока ещё напряжённый член. И в самом деле большой. Длиннее моей ладони. Ени обязательно спросит, что я ей скажу? Попробовала обхватить ладонью – пальцы едва сошлись. А по ощущениям он гораздо приятнее каменных фаллосов! Кожа такая нежная, такая бархатистая, странно подвижная... головка упругая. Любуясь, провела по выступающим венам, чуть сжала. Рассмотрела полностью, даже понюхала и осторожно лизнула языком. На вкус не противно.

Интересно, может ли мужчина кончить во сне? Жаль, про-

верить некогда. Пообещала себе, что если встречу его ещё раз – дам ему шанс. Надеюсь, ему сейчас приснится все то, что мы с ним могли бы делать вдвоём.

Прикрыла Ю-Вея (сомневаюсь, что это настоящее имя) покрывалом, надела кимоно, вылила остатки чая в ночную вазу и вышла.

© Марианна Красовская 2022

2. Слова на ветер

Словно море бурлило внутри меня, наполняя силой и хмельным восторгом. Я приплясывала, вертела головой, глубоко дышала и едва сдерживала смех – словом, вела себя совершенно не так, как положено покорной скромной дочери достопочтенных родителей. Мама смотрела на меня с улыбкой, а младшая сестренка вовсе разрыдалась, цепляясь за пышную юбку.

– Ну полно, Янголь, – я подхватила ее на руки и расцеловала. – Я обязательно вернусь, что ты! Не плачь! Или ты приедешь ко мне в гости!

– Нет, ты больше не вернешься, – всхлипывала малышка. – Тебя ждет море... и мужчина с кривым лицом.

Я замерла: Янголь частенько говорила странные вещи, которые потом сбывались. Впрочем, пусть будет море, пусть будет мужчина – не смерть же, не плаха, не яд. Мужчина – это хорошо. Мужчина мне очень нужен.

Мама забрала Янголь из моих рук и напомнила:

– Мы приедем с первым же дипломатическим кораблем. Не наделай глупостей.

– Мне почти девятнадцать, – сморщила нос я. – В моем возрасте ты давно была замужем. Я вполне способна постоять за себя.

– К сожалению, тебе это только кажется. Ранолевс – не

сказочное королевство розовых единорогов, детка. Он очень жесток к своим детям.

– Ну мам! Папа, скажи ей! Я умею защитить себя. И со мной Макеши.

Отец спокойно кивнул и приобнял маму за плечи. Та сразу расслабилась и улыбнулась мне почти без тревоги. Она всегда так улыбалась рядом со своим мужем, и меня это восхищало. Я знала, что хочу так же – чтобы мой муж меня защищал от всего мира.

– Макеши я доверяю больше, чем себе, – сказала мама. – Нам с ним невероятно повезло!

– Это мне невероятно повезло жить под твоим крылом, сестра, – негромко ответил мой охранник (а точнее, нянька).

Макеши – туземец с Ильенских Островов и по невероятному стечению обстоятельств – кровный брат мамы, то есть мой приемный дядя. Он знает меня с младенчества. Для туземца он довольно высок, и кожа у него не черная, а, скорее, кофейная, и ноги ровные. Он некрасив: приплюснутый нос, большие губы, живые черные глаза, кудрявые волосы. По сравнению с отцом – высоким, статным, напоминающим хищную птицу, Макеши кажется совершенно безобидным, но я-то знаю, на что он способен. Он – воин с даром шамана. Шаманом не стал – потому что поклялся служить моей матери, когда она спасла его от смерти, но кое-что все же умел. И еще он, как и я, обучался в клане Кио, но, в отличие от меня, убивать он умел по-настоящему.

И он всецело мне предан: я была под его присмотром всегда. Я не помню ни дня, когда он не был бы рядом. Можно сказать, Макеши я знаю даже дольше, чем маму.

Девушке моего положения необходима прислуга. Я хотела взять горничной Ени, но ее не отпустил клан – слишком много в нее вложено, сначала работа, потом удовольствие, а никому другому я не доверяла. Раба тоже можно, хотя Макеши мне не раб – но кто об этом знает? Темнокожий слуга в роскошных шелковых одеждах смотрелся рядом со мной как попугай возле горлицы, но это было и хорошо. Широкие желтые шаровары, лазурная рубашка, бархатный жилет, расшитый цветами – так одевались в Ниххоне императорские евнухи. Темнокожих среди них было достаточно, чтобы на Макеши обращали внимание – но не изумлялись диковине. Их еще брили налысо, но мы решили, что Ранолевс – страна холодная. Оставили волосы.

Я же была одета более чем скромно – конечно, с учетом моего положения. Зеленое дорожное платье из тонкой шерсти, белое кружево нижней сорочки, чулки, ботиночки на шнуровке и два не самых больших сундука с бельем и парой платьев на первое время.

– Ива-тан, нам пора, – негромко напомнил Макеши, и я всхлипнув, бросилась на шею матери, а потом и отцу.

Отец одним только взглядом упрекает меня за безобразное нарушение приличий. Не сдержалась, не утерпела, да и не хотела, если честно. Я всегда была слишком порыви-

ста, слишком эмоциональна. Мама говорит – в ту, настоящую мою мать, родную, которая умерла. Я вообще на нее очень похожа: маленькая ростом, кудрявая, смуглая. Зато меня сразу все признают, ну, а если нет – то они с отцом придут мне на помощь. Но я надеюсь, что справлюсь сама. В конце концов, я единственная из всей семьи родилась в Ранолевсе. Не может моя родина быть ко мне жестока, я верю, что всё у меня сложится так, как я задумала.

Макеши затащил мои сундуки на корабль, я поднялась следом, а потом долго махала рукой родителям и сестренке. Хорошо еще, что братья все на учебе, я не так уж сильно и плачу, расставаясь с семьей. И вообще, это не слезы, а брызги моря.

До чего ж красиво! Небо высокое и ясное, чайки кричат, летая возле самого корабля, а снизу пена, щепки, бурлящие волны. И воздух совсем другой, не такой, как на суше!

– Вот бы мне плыть к новым берегам, а не вот это всё, – мечтательно тяну я, запрокидывая голову и позволяя ветру трепать волосы.

– Не стоит так говорить, Ива-тан, – озабоченно качает головой Макеши. – Ветер услышит.

– И что?

– Сами знаете, ветер глуп. Он донесет ваши слова до неба, да еще исказит, перепутает, словно нити. Потом плакать будете.

– Глупости говоришь, – рассердилась я. – Это просто ве-

тер. И просто слова.

– Это восточный ветер, ветер судьбы.

– Ах, судьбы? Ну так хочу мужа хорошего, чтобы меня любил, как отец – мою мать. И приключений хочу!

Матросы повернули паруса, ловя ветер, корабль слегка накренился. Я едва удержалась на ногах. Сильный порыв ветра хлестнул меня в лицо, растрепывая окончательно прическу, вырывая темно-зеленую ленту из волос и бросая ее в море. Я засмеялась от восторга, а серо-зеленый Макеши мрачно пробормотал:

– Море забрало себе подарок. Море и ветер запомнили твои слова, глупая ойосамас. Теперь жди...

– Шел бы ты в каюту, – отмахнулась от его глупостей я. – Тебе дурно. Тошнить будет, да?

– Да.

– Ну так иди и ляг. А еще уроженец островов. Ты же всю жизнь на море жил, отчего тебя укачивает?

– Большая лодка хуже маленькой, – сдавленно прошипел Макеши, перегибаясь через борт и освобождая желудок от завтрака.

Я отвернулась, чтобы не смущать его, и принялась разглядывать благословенный Ниххон. Издалека он был еще красивее, чем вблизи. Вдалеке курились облака над горами, белые домики с красными изогнутыми крышами казались игрушечными, люди копошились, словно муравьи, и тех скоро видно не стало. Остались лишь горы и полосы тумана над

водой.

На миг я зажмурилась, представив, что плыву куда-то далеко, в неизведанные страны. Что я свободна, совсем свободна и одинока. Ни семьи, ни предписанной мне судьбы, ни древнего рода, долг перед которым мне предстоит исполнить. Не то, чтобы я боялась или была против, нет – я с младенчества знала, что осталась последней герцогиней Шантор. Что у меня есть замок, есть куча предков. Есть отец и мать, погибшие в гражданской войне. И я росла и помнила, что вернусь в Ранолевс, что буду представлена ко двору, что буду блистать и кружить головы мужчинам – как моя мать. Что где-то там мне нужно будет выбрать мужа и родить сына. Что меня ждет спокойная и красивая жизнь.

Но иногда я думала – а чего я на самом деле хочу? Нужны ли мне балы и мужчины? Или лучше ветер в волосах и соленые брызги в лицо? Нужны ли богатство и почет, нужны ли золото и жемчуга – или достаточно солнечных бликов в волосах и криков чаек? А может, вернуться на Острова? Там тепло и тихо, и яркие попугаи смело садятся на плечи и на голову. Или остаться в Ниххоне и быть как отец – охотником на ёкаев? Или остаться помощницей матери и учиться аптечному делу? Впрочем, травки и склянки меня никогда не привлекали – не было у меня ни чутья, ни терпения. А воевать с ёкаями отец никогда бы не разрешил – хотя клан Кио был именно охотничьим. Вот Ени позволено стать Охотницей, а мне нет. Впрочем, если бы отцу разрешили, он бы и

Ени со мной отправил, и всех женщин-охотниц разом. Акихи-ро Кио всегда утверждал, что женщины должны нести в мир жизнь, чтобы спасти души мужчин, несущих смерть.

Очередной порыв ветра заставил меня поежиться. Ощутимо похолодало – до лета не так уж и близко. Теплолюбивый Макеши стучал зубами, но меня не покидал. Он все еще был бледен, если так можно сказать о темнокожем мужчине. Пришлось мне спускаться в каюту, где в глиняных горшках тлели угли, отчего там было тепло, почти жарко. Я растянулась на подвесной койке, а мой спутник, которого я даже мысленно не могла назвать слугой, с облегчением сел прямо на пол, облокотившись на стену и баюкая в объятиях один из горшков с углями.

– Переоденься, – велела я ему. – У тебя же есть теплая одежда, а ты в шелках. Конечно, холодно.

– Здесь тепло, – непослушно пробормотал туземец. – Потом... пойду за обедом, надену что-нибудь более подходящее. Ничего, не беспокойся. К завтрашнему утру я уже привыкну к качке и приду в себя.

Я кивнула и прикрыла глаза, прислушиваясь к волнам, бьющим в борт судна. В отличие от Макеши, меня не мучала морская болезнь, не тревожило будущее, напротив – в душе поселилось предчувствие радости. Все будет так, как я захочу, я уверена.

3. Совпадения

Шлюпка мягко коснулась бортом деревянного причала. Я подобрала длинную юбку и шагнула вперёд – в новую жизнь. Теперь все будет по-другому. Я справлюсь, не могу не справиться. В конце концов, всё, что от меня требуется – вступить в права наследства и как можно быстрее найти себе мужа. Ничего сложного.

Родители придут через месяц. Никто не должен знать, что нас связывает. Мне не стоит подставлять их под возможный удар. Они мне хоть и не родные, но никогда не делали разницы между мной и своими тремя детьми. С моей стороны будет чёрной неблагодарностью выдать их роль в моей жизни.

Я знаю, что меня в Ранолевсе не очень-то ждут. Мне ещё предстоит доказать свои права. А первый мой шаг – представиться королю.

Меня должны встречать, но я не вижу никого, кто мог бы походить на слугу герцогини Шантор. Растерянно оглядываюсь. Нет, вокруг много людей, все суетятся, таскают какие-то мешки, и никому нет дело до девушки в дорожном платье и её слуги.

Что это – совпадение или преднамеренное указание на моё место?

– Что ж, кажется, нам придётся все делать самим, – говорю

я Макеши. – Бери сундуки, пошли искать транспорт. Не так уж и далеко отсюда до королевского дворца.

– Лучше бы оставить сундуки в порту, госпожа, – советует мой спутник. – Налегке доберёмся быстрее. Здесь наверняка есть охраняемые склады для багажа.

– Да, ты прав. Но если с моими нарядами что-то случится, я расстроюсь.

– Не волнуйтесь. Я положу в сундуки амулеты, от которых у вора отсохнут руки и мужская доблесть.

Я краснею и отворачиваюсь – иногда туземец слишком прямолинеен в высказываниях. Но его методы обычно действуют.

– Подождите меня здесь, госпожа, я всё решу.

Я отошла в сторону, с любопытством наблюдая за суетой порта. После жизни в Ниххоне все жители Ранолевса казались мне на одно лицо – я видела лишь огромные носы и круглые глаза. Смешные. И такие эмоциональные, громкие. Ниххонцы совсем другие. Они вежливые, осторожные, грациозные. Дома даже представить невозможно, что два грузчика будут материть друг друга, размахивая руками. В Ниххоне все претензии высказали бы тихим голосом, с многословными извинениями и завуалированными угрозами. И уж точно ни один чиновник не позволил бы себе поднять руку на слугу прилюдно, а я вот сейчас наблюдаю, как важный господин в парике орёт на своего лакея и с силой бьёт его по плечу. Странная, дикая страна! И тем страшнее, что это моя

родина и мне придётся здесь жить.

– Я оставил багаж на складе Шнипсона, – появился из ниоткуда Макеши. – Это торговец из Эльзании. Не поверите, у него сестра вышла замуж за Доминика Ферна. Забавно встретить здесь родню.

Я усмехнулась. Ферны – они повсюду. Очень шустрая стая, и они всегда поддерживают своих. Мама из рода Фернов, поэтому за багаж можно не беспокоиться.

– И взял в аренду лошадей у того же Шнипсона, – невозмутимо продолжал Макеши. – Можно ехать, ваша милость.

Я с трудом отвела глаза от драки, завязавшейся у самой воды. Интересно, они грохнутся с причала или нет? Увы, мне не суждено увидеть развязку. Что ж, уверена, в этой варварской стране мне ещё не раз придётся быть свидетелем драк.

Лошади, приведённые Макеши, были неплохие. Не самые лучшие, но и ехать на них было не стыдно. К счастью, обе под мужским седлом. Я умела ездить и на женском, но это, на мой взгляд, куда опаснее. Вот только одежда моя совершенно не подходила для верховой езды. Юбка недостаточно широкая и без разрезов, хлопковые чулки, дорожные ботинки на шнуровке. Я ждала, что за мной пришлют карету. Что ж, придётся нарушить правила приличия. Интересно, что мой путь по земле предков начинается именно с этого.

Макеши помог мне взобраться на лошадь. Юбка задралась, обнажая лодыжки. Колени тоже неприлично оголялись, приходилось то и дело поправлять одежду. Неудобно, но что

поделать. Лучше так, чем пешком.

Мы выехали на дорогу, ведущую к городу. На самом деле, в столице была своя пристань, но там принимали только дипломатические суда. Отец, конечно, в Ниххоне – лицо не последнее, но ради меня корабль собирать не стали, да это и понятно. Вот он наверняка прибудет прямо в столицу. А я же плыла на обычном «торговце», оттого и причал наш – торговый, в речном порту.

Странная, странная страна! Дикий лес с обеих сторон дороги – а ведь столица совсем рядом! Разве могут быть такие дремучие леса в центральной части страны? Есть ли здесь лесники? А ёкаи, в таких лесах непременно должны быть ёкаи!

И дорога – обычная колея без травы, даже камнем не выложенная. А ведь она должна часто использоваться. Отчего её не сделать такой, чтобы людям было удобно? Дикая, варварская земля!

– Ива-тан, стойте! – нервно выкрикивает Макеши, и я немедленно тяну за поводья.

Вовремя. Из леса выскакивает заяц прямо наперерез нам, а следом слышится лай собак. Их целая свора: длинных, тощих и очевидно тупых, потому что часть из них забывает про зайца и пытается напасть на нас. Лошадь моя начинает вертеться и нервничать, а конь Макеши и вовсе отскакивает вбок и встаёт на дыбы, молотя воздух копытами. Вслед за собаками, разумеется, из леса вылетают охотники: такие же

шумные и горластые. Вот и ожидаемые демоны! Один их них хватает мою лошадь за узды, двое других успокаивают коня моего слуги. Ещё с полдюжины человек проносятся мимо – за собаками и несчастным зайцем.

– А ну, тихо, волчья сыть, – гаркает на воющих псов великан, усмиривший моего коня. – Эй, Грестон, успокой псов да собери их на поводок. Для них сегодня охота кончена. Тупые твари! Простите, госпожа...

Мужчина поворачивается ко мне, и я замираю, забывая, как дышать. Ни за что я не ожидала встретить в Ранолевсе человека со светлыми волосами, лицо которого пересекает огромный шрам. Сглатываю, отпрянув, но быстро соображаю, что узнать меня он никак не может. Он же, видя моё напуганное лицо, отпускает поводья моей лошади, отъезжает на несколько шагов и, криво улыбаясь, представляется:

– Граф Волорье к вашим услугам.

Мои глаза расширяются в изумлении: вот это ирония судьбы! Мало того, что мой старый знакомец оказался из знати, так он ещё и Волорье! А по нему и не скажешь: белая рубаха в пятнах пота и пыли, сбившийся шейный платок, простые суконные штаны, заправленные в высокие сапоги. А вот конь, конечно, хорош: высокий, тонконогий, с роскошной гривой. Вороной с белой звёздочкой во лбу.

– Герцогиня Шантор, – представилась я, глядя ему в глаза. Не коню, конечно, Волорье.

Красивые серые глаза (один красивый, другой неживой)

мужчины сузились. Теперь уже он пристально осматривал меня. Оглядел задранный подол дорожного платья, руки без перчаток, расстегнутый воротничок, выбившиеся из строгой причёски кудряшки. Нахмурился, оглянулся на ожидающего в стороне Макеши.

– Почему в таком виде и без должного сопровождения? – строго спросил граф.

– Не прислали, – пожала плечами я. – Его величеству Вазилевсу было направлено письмо о моем прибытии. Ответ был получен, обещали встретить на пристани в назначенный день. Судно прибыло по расписанию, однако никого на причале не было.

– Странно, – сдвинул светлые брови граф. – Похоже на диверсию.

– Вы военный? – с любопытством спросила я.

– Капитан военного корабля.

– Удивительно, – не удержалась я. – Аристократ – и на службе!

– Почему нет? Или я должен торчать в своём замке и устраивать заговоры? Благодарю, одному моему родичу уже отрубили за это голову. Предпочитаю заниматься стоящим делом, а не плести интриги.

– Для чего ж Ранолевсу военные корабли? Разве он с кем-то воюет?

Волорье закатил глаза, но ответил:

– Пираты, ваша светлость. Защита водных границ. Сопро-

вождение посольских делегаций и торговых флотилий.

– О, – я на мгновение смутилась. – Прошу меня простить. Я воспитывалась вдалеке от больших городов и от моря.

– И где же?

– В монастыре.

– В мужском? – вырвалось у него, а в ответ на мой недоуменный взгляд он только вздохнул. – Простите, глупая шутка. Я провожу вас во дворец. Здесь не опасно, но лучше не рисковать.

– Будьте так любезны, – согласилась я с улыбкой.

4. Граф Волорье

А ведь я дала обещание, что если встречу с ним снова – непременно дам нам шанс. И теперь, глядя на него, понимала: тут не шансом пахнет. Тут я уже готова влюбиться. Сколько раз, засыпая, я представляла себя в его объятиях? Слишком много! Реальность оказалась даже лучше воспоминаний. Красивый, благородный, с подходящим титулом. Я ведь прекрасно знаю, что мне предстоит выйти замуж и родить сына – наследника титула. Об этом было совершенно ясно сказано в письме, полученном моими родителями два года назад.

В Ранолевсе девушка становится совершеннолетней в шестнадцать. Мне же почти девятнадцать – едва ли не старая дева. Как родителям удалось меня отстоять – не знаю, но я им очень благодарна за все, хотя последние годы дались мне очень тяжело. Танцы, боевые искусства, изучение истории родов, титулы, флаги, гербы... Муть полная.

Про Волорье мне тоже известно немало – господин граф мне практически родственник. Я знаю о нем куда больше, чем он может предположить. Зовут его Арман, он старший сын сестры графа Ральфа Волорье, казненного по ложному обвинению в государственной измене. Его мать – Глен Форрест, у Армана трое братьев и младшая сестра, он вырос в Белом Замке. Я могу даже посчитать, сколько ему лет...

Двадцать восемь или двадцать девять, кажется. А он обо мне не знает ничего... даже где я росла, не знает.

– Герцогиня, вы говорили, что росли в монастыре, – неожиданно заговорил со мной Арман. – Но в каком? Почему вы прибыли морем и в сопровождении, простите, туземца? Давно ли у нас на Ильенских Островах стали строить монастыри?

Я замялась. Разумеется, у меня была легенда, но именно ему мне врать не хотелось.

– Молчите... Вам следовало подготовиться более тщательно!

– Простите, – я опустила голову. – Вы правы... но я так надеялась на благосклонность его величества и его помощь! Вы ведь понимаете, что я сирота. Мои родители погибли в восстании, но они умерли за Вазилевса. Мне не было и двух лет, как я осталась одна на целом свете... Что я могу вам сказать относительно моего прошлого?

– Ох, прекратите этот цирк, – раздражённо махнул рукой Арман. – Игра прекрасная, но я не из тех, кто ведётся на слезные сказочки. Вы отлично держитесь в седле, у вас добротная одежда и прекрасные манеры. Если вы и жили на Островах, то с гувернанткой и учителями. А скорее всего, за вами присматривал кто-то из местной знати. Чья вы протеже, герцогиня? Что вкладывали в вашу хорошенькую головку? Чья вы марионетка?

– Вы что-то придумываете себе, – раздражённо оборвала

я не в меру проникательного графа. – Вы ещё скажите, что я выросла в Ниххоне с вашей сбежавшей из страны тетужкой!

– А что, это похоже на правду, – усмехнулся Арман. – Только бывшая графиня Эва Волорье слишком безответственна для такого сложного плана. Не хотите говорить – ваше право. Просто будьте более убедительны в своих придумках!

Я поджала губы, отворачиваясь и пряча улыбку. Мужчины! До чего ж с ними просто! Теперь он считает, что умнее меня. Пусть. Это мне на пользу.

– Обратите внимание на пригороды, герцогиня, – светским тоном заговорил граф. – Здесь нынче модно растить фруктовые сады. Вы прибыли к нам в самое прекрасное время: середину весны. Цветёт вишня, груша, слива, яблоня, абрикос. Чуть дальше, в полях, выращивают виноград и айву. Ранолевс славится своими фруктовыми винами и вареньем.

– Удивительная красота! – согласилась я, оглядывая белоснежные деревья.

В Ниххоне любят сакуру. Там она везде. Её цветы нежно-розовые. Ниххон сейчас утопает в розовом кружеве. Ранолевс же – словно невеста, весь в белом.

– Когда поедем по центральной улице, вы увидите каменные дома. Так вот, раньше они были двухэтажными, но столица так стремительно растёт и богатеет, что на каменные дома, где фундамент позволяет, надстраивают третий и иногда даже четвёртый этаж. Кстати, по центральной улице не

ездят большие кареты и торговые повозки. Скоро вообще любой частный транспорт запретят.

– Как же ездить людям?

– Градоначальник предлагает пустить конку. Это правильно – улица довольно узкая, самая старая в городе. Расширить её невозможно: дома здесь – почти произведение искусства. Немало улиц в последние годы было перестроено, полностью снесены и построены заново восточный и рыбный рынки... Впрочем, вам это неинтересно.

– Отчего же, – я с горящими глазами оглядывалась вокруг. – Очень интересно! Я так понимаю, король у нас правит мудро?

– На удивление да, – кивнул граф. – Но градоначальник здесь – герцог Шатиньон. Народ вначале очень возмущался его солдафонским манерам, ведь он – бывший генерал армии. Да и за дело Шатиньон взялся очень рьяно, начал с разрушения городского парка, признаться, весьма запущенного. Зато теперь парк – настоящая гордость столицы.

– Но он же старый! – удивленно воскликнула я, рассматривая дома и пытаясь угадать, какой из них раньше имел меньше этажей.

– Кто, парк? Ах, Шатиньон! Ну да, ему за семьдесят. Но он бодр и полон сил.

Столица Ранолевса куда больше любого ниххонского города. Это впечатляет. А еще здесь очень чисто, много деревьев и люди гораздо приличнее, чем в порту. И много жен-

щин с корзинами, одетых примерно одинаково: в широкие юбки до щиколотки, блузки и жилеты либо фартуки. Город, где женщина чувствует себя в безопасности без сопровождения – прекрасный город, я думаю. В Ниххоне не везде так. Простолюдинки ещё могут ходить в одиночку, но красивая молодая женщина в богатом кимоно рискует быть жертвой грабителя или насильника.

– Ваш слуга говорит на нашем языке? – небрежно спрашивает Арман.

– Макеши говорит на пяти языках и двенадцати диалектах, – насмешливо улыбаюсь я. – А еще он умеет убивать людей.

– Хм, впечатляет, – уважительно кивает Арман. – А по нему и не скажешь.

Я виновато кошусь на своего темнокожего спутника, про себя проклиная свой длинный язык. Зачем я об этом вообще заговорила? Потому что совершенно очарована этим грубияном, вот. Сама не понимаю, отчего меня так к нему тянет!

Мы едем медленно, спокойно – а тут по-другому и нельзя. Столько людей! Нужно внимательно следить, чтобы под копыта коня никто не попал. Едем близко, Арман порой даже касается меня ногой, и внутри у меня всё трепещет. И это я ещё с ним не спала... а что же будет в постели? Не рассматривать его в этом качестве я уже не могу. Боже, я даже знаю, какой у него член, как пахнет его кожа и какие у него умелые пальцы.

Покосилась на невозмутимое лицо Волорье и заерзала в седле.

– Послушайте, граф, а может, мне стоит сначала заехать к герцогине Шатиньон? Они были дружны с моей матерью. Переодеться, умыться с дороги...

– Герцогиня, как вам будет угодно. Но если действительно спрашиваете совета – его величество оценит ваше рвение и ваш вид несмотря на некоторую помятость.

Я кивнула.

– Тогда все же во дворец.

===

Отчего-то мне казалось, что я ему не нравлюсь: не королю, а Арману Волорье. Не понимаю, почему. Я красивая, молодая, образованная. А он точно может с женщинами, я это проверила.

Король же встретил меня на удивление благосклонно. Узнав, что я прибыла в Ранолевс, он немедленно меня принял, отложив все свои королевские дела, поцеловал мне руку и даже не поморщился, ощутив запах конского пота и разглядев рыжие лошадиные шерстинки на юбке.

– Герцогиня! Ива! Вы необычайно похожи на мать! – заявил его величество, жестом отпуская доставившего меня в королевскую приёмную Волорье. – Такая же изящная и миниатюрная! И кудри...

Хм, это я здесь кажусь миниатюрной. А в Ниххоне я не выделялась ростом среди девушек. Там не много высоких жен-

щин. А здесь я уже сама себе кажусь куклой.

– Я не помню свою мать, ваше величество, – опустила я ресницы. – Но мне не раз говорили, что я пошла в неё. От отца у меня только светлые глаза.

– Да, это так. Говорили ли тебе, что я любил твою мать? Она погибла так нелепо... я её не уберег.

В голосе короля неподдельная скорбь. Наверное, он сам себя убедил в этом. Но я-то знаю всю эту историю с другой стороны. А еще знаю, что Вазилевс женился спустя три месяца после коронации и через год у него уже был наследник. Была ли там любовь?

– Я рад, что вы вернулись домой, Ива. Поверьте, я сделаю все, чтобы возродить славный род Шанторов.

– Боюсь, ваше величество, что вам не придётся в этом участвовать, – дерзко ответила я, улыбаясь.

– Как знать, прекрасная, – заулыбался Вазилевс. – Ваша мать легко могла вскружить голову любому мужчине, даже королю.

Я внимательно оглядела его величество. Он хорош собой, тут не поспоришь. Каштановые, чуть тронутые сединой волосы, мягкая улыбка, лукавые глаза. Он из тех мужчин, которые, как вино – с каждым годом становятся только лучше. Ровный нос, белые зубы, загорелая кожа, изящные руки. В Ниххоне считается разумным, когда зрелый мужчина берет себе в жены или в наложницы юную деву. Так что никакого смущения или негодования я от намёка короля не испытала.

Вот только маленький нюанс. Я не готова становиться любовницей мужчины, который когда-то спал с моей матерью. Как-то это противоестественно.

– Ах, ваше величество, – взмахнула ресницами я. – Но мне сначала нужно найти себе мужа. Сами понимаете, не каждый мужчина рискнет ухаживать за девушкой, удостоенной вашей благосклонностью. А рожать дитя вне брака... такое прощается крестьянам, а не герцогам!

– Расчетливая маленькая козочка, – засмеялся король. – Я запомню ваши слова. А теперь расскажите мне, почему вас сопровождает мой адмирал?

– Адмирал? – Я растерянно посмотрела на дверь, за которой скрылся Волорье. – Но он говорил, что просто капитан...

– Капитан флотилии, да. Мой лучший капитан. Так где вы его нашли?

Пришлось ябедничать, что меня не встретили. Король хмурился и барабанил пальцами по столу.

– Я совершенно точно отдавал распоряжение, чтобы вам прислали карету, – наконец, сказал он. – Разберёмся. А Арман, конечно, молодец. Достойный поступок. Где вы думаете остановиться, герцогиня?

– В доме родителей?

– Видите ли в чем проблема, Ива... его снесли. Когда расширяли улицы. Но вам, безусловно, это компенсируют. Вы сможете купить или построить любой дом...

– Но не сегодня, – закончила я. – Дом Волорье?

– Занят адмиралом.

– В таком случае, я сниму номер в гостинице, – решила я.

– Вы можете жить во дворце.

– Благодарю, ваше величество, но я хочу немного независимости. Я все же герцогиня Шантор. Должна учиться быть самостоятельной.

– Что ж, не смею настаивать. Чем я могу вам послужить?

– Разве что доставкой моего багажа. И... какая тут самая спокойная гостиница?

– Понятия не имею. Ни разу не оставался ни в одной из них. Вот что... я попрошу кого-то из своих адъютантов присмотреть за вами. Он поможет и с гостиницей, и с багажом. И в дальнейшем будет вас сопровождать. Возможно, Шатиньона или Регнара...

– Волорье? – с надеждой предложила я. – Или он слишком важная птица?

– Нет, отчего же... в ближайшее время он совершенно свободен. К тому же он давно просил отпуск для решения семейных дел. Вот и совместит приятное с приятным. Эй, Арман! – его величество повысил голос. – Зайди.

Адмирал зашёл. Его лицо отчего-то было злым, губы сжаты.

– Раз уж ты так любезно позаботился о герцогине в день её приезда, продолжишь этот приятный труд и дальше. Поступаешь в её распоряжение.

– Ваше величество... но я – в свите принца!

– Признаться честно, Арман, вы дурно влияете на Бенедикта. Эта история с маркизой Ленье...

– Это была идея его высочества!

– Скачки по грязи, где трое человек сломали ноги и четверо получили травмы?

– Случайность.

– Разнесенный трактир?

– Вино дурное подлили. Пройдоха-трактирщик сам виноват.

– А сегодняшняя охота?

– Тут всецело моя вина. Но собаки не мои взбесились!

– Вот именно. Бенедикту придётся некоторое время отдохнуть от своих развлечений на севере. Пусть проедется, посмотрит шахты...

– Ваше величество! – взвыл Волорье. – Я тоже хочу на север! Там мой дом! Семья! Дед!

– А ты отправишься на север несколько позже – с герцогиней.

– Ну да, – пробурчал, надувшись, Арман. – Теперь я буду дурно влиять на девушку.

– Вот в чем-чем, а в скандалах с женщинами ты ни разу не замечен, – усмехнулся король. – Ты у нас галантен, как никто. Так что я смело доверяю тебе честь прекрасной Иветты.

Волорье скривился, словно слопал лимон, и прищелкнул каблуками.

– Было бы там что доверять, – процедил он, открывая мне

дверь.

Я непонимающе поглядела на него, но он только просто-душно улыбнулся.

5. Старые друзья

Мы вышли из покоев короля. Я прикусила губу, лихорадочно вспоминая, сколько у меня денег. Я никак не рассчитывала, что дома, принадлежащего мне по праву, больше нет.

– Макеши, нам нужна гостиница, – сообщила я слуге. – Желательно не самая дорогая. Завтра я схожу в банк, а сегодня... просто переночевать.

– Нет, – покачал головой слуга. – Герцогиня Шатиньон.

– Неудобно.

– Ваша... ваша милость! – Макеши покосился на внимающего нам Армана. – Мне даны указания. Госпожа Хлоя вас ждёт.

– Ваш слуга прав. Дом Шатиньонов лучше любой гостиницы. Тем более, Хлоя дружила с вашими родителями.

– Что ж, рискнем, – решила я. – Но гостиницу все же нужно присмотреть.

Адмирал пожал плечами, а я снова подметила, как он высок и хорошо сложен.

– Погодите немного, я достану карету или ландо, – попросил он. – Ваши ножки, безусловно, хороши, но наряд не слишком удобен.

– У меня не было выбора, – принялась оправдываться я.

– Знаю.

Через несколько минут адмирал уже вернулся с открытым экипажем. Роскошный транспорт – большие колеса, лакированное дерево, обитые пыльно-розовым бархатом сиденья. Макеши уселся вперёд, рядом с кучером, а мы с Арманом – сзади. Не удержалась, провела пальцами по деревянной дверце. Ездить на таком красивом экипаже мне ещё не приходилось.

– Чья это карета?

– Ландо. Ее величества, разумеется. Не думаю, что она будет против.

Мне ужасно хотелось спросить, какая она – жена Вазилевса, но на этот раз я удержалась. И так разболтала ему больше, чем стоило. Не хватало ещё большей дурочкой себя выставить!

– А вы, стало быть, Иветта?

– Ива. Просто Ива.

– Арман.

– Я знаю.

– И откуда?

– Неужели вы считаете, что я не выучила имена ключевых людей его величества? И имена, и гербы, и флаги...

– Ну да, для герцогини знание геральдики – важнее умения танцевать.

– Танцевать я тоже умею. Наверное. Там, где я росла, танцевали совсем другие танцы...

Я не могла не улыбнуться, вспомнив, как танцевала на

сцене с веером. Перед ним, как оказалось.

– Вам придётся здесь тяжело, – неожиданно заметил Арман. – Времена изменились.

– Глупости, – сморщила нос я. – Мне всего лишь нужно найти мужа и родить сына. Чего тут тяжёлого?

– Шутите, да? – Волорье не улыбался. – Храбритесь... Это хорошо.

Он слишком меня понимает, этот мужчина. Это пугает и в то же время манит.

Хлоя Шатиньон встретила меня с распростертыми объятиями: в прямом смысле. Заплакала, принялась обнимать и целовать. Я замерла в ступоре: в Ниххоне было принято держать дистанцию. Никогда даже родственник не будет хватать тебя за плечи и целовать. Даже детей трогали только родители, остальная родня – только если дети сами проявляли желание. На мгновение я ощутила к женщине острое отвращение и злость, но нашла в себе силы вымученно улыбнуться.

– Итак, моя девочка вернулась домой, – радостно щебетала элегантная женщина средних лет. – Будешь жить у меня, это даже не обсуждается! С тех пор, как дети уехали, у нас полно пустых комнат. Но где же твои вещи, солнышко? И твоя свита? Ты приехала совсем одна?

– Со мной Макеши, госпожа герцогиня. А вещи на складе в порту.

– За вещами пошлём. Один слуга, какой позор! И называй меня Хлоей. Проходи скорее, я прикажу готовить ванну.

Граф Волорье, что же вы стоите? Проходите же!

– Благодарю, у меня дела. Иветта, если я вам понадобится, присылайте своего туземца в дом Волорье.

Откланялся. Сбегает. Мне тоже хотелось сбежать, но Хлоя цепкохватила меня за локоть.

– Как ты похожа на мою дорогую Аду, – вздыхала герцогиня. – Одно лицо... А вот Волорье уже не те. Арман совсем не похож на своего блистательного дядюшку, тот был такой обаятельный, такой умный! Да еще и учёный, алхимик!

Я молча смотрела на Хлою и недоумевала, совсем она дура или умело прикидывается. Алхимик! Специалист по ядам, безжалостный интриган, тихий убийца – вот кто такой был их Волорье. Какая радость, что Арман совсем другой!

– Ну да я заболтала тебя, ты, наверное, хочешь отдохнуть с дороги?

– Больше всего на свете я хочу принять ванну, – призналась я. – Три дня на корабле, потом верхом на лошади...

– Ну конечно, я немедленно распоряжусь! Пойдем со мной, дорогая! А твой слуга... хм... что с ним делать?

– С Макеши? Он не слуга, он телохранитель. Так что уважать и заботиться.

Хлоя вдруг закашлялась и побагровела.

– Туземец? – испуганно переспросила она.

– Ну да. Он служит нашей семье много лет. В его преданности я уверена.

– Но Ива, он же черный!

– И что с того? – начала злиться я. Граф Волорье, который собирался вроде бы уходить, но теперь внимательно прислушивался к нашей беседе, насмешливо вздернул бровь. – Боже! Это не то, что вы подумали! Он просто охранник!

Я прижала ладони к щекам, едва не плача.

– Ну... обычно, когда говорят «телохранитель», то подразумевают нечто другое, – пробормотала Хлоя. – Знаем мы этих телохранителей.

И прежде, чем я смогла придумать какой-то едкий ответ, Хлоя потащила меня по лестнице наверх. Втолкнула в какую-то спальню, позвала служанок и принялась командовать совсем как генеральша. В мгновение ока меня раздели и запихнули в ванну с горячей водой, а потом принялись мыть в четыре руки. Я блаженствовала – мне ужасно не хватало ванны на корабле. Умываться из кувшина – это совсем не то. Потом на меня натянули белоснежную сорочку, закутали в пеньюар и потащили вниз – кормить, поить золотым игристым вином и расспрашивать.

Хлоя Шатиньон была одной из немногих, кто поддерживал общение с моей мамой после ее отъезда в Ниххон. Почти все аристократы отвернулись от нее, с презрением обсуждая, какой мезальянс совершила блистательная графиня Волорье, выйдя замуж за простого ниххонца. И ладно бы она просто спала с ним – в конце концов, все мы не без греха, но замуж? Стыд и позор! А ведь еще говорили, что она его... любит!

Хлоя рассказала, что косточки графини Волорье обсасывают до сих пор, несмотря на то, что с момента ее отъезда прошло больше пятнадцати лет. Что подделаешь, слава – такая живучая! Если бы Эва Волорье затворилась в замке или стала наложницей ниххонского императора, то это было бы не так скандально, чем настоящая любовь.

– Мама приедет с посольством в начале лета, – сообщила я Хлое. – Посмотрим, что из этого получится.

У Хлои вспыхнули глаза.

– Будет очень весело, – пообещала она. – Наконец-то это болото всколыхнется! Ах, как они заквакают! Мой салон будет самым популярным в этот сезон!

Я хмыкнула. Почему-то подумалось, что госпожа Ли Кио не будет рада такой популярности. Поспешила перевести разговор в безопасное русло:

– Ваша светлость, а что нынче носят при дворе? Боюсь, что мои платья совершенно немодные. А его величество пришлет мне приглашение? Или так сейчас не делается?

– Надо немедленно посылать за портнихой! – всплеснула руками Хлоя. – А что до приглашения ко двору... Боюсь, с этим придется подождать. Не всё так просто. Конечно, ты – герцогиня, но для начала я представлю тебя своим подругам, потом будут вечера попроще... постепенно мы введем тебя в общество, дитя мое! Ах, у меня нет своих детей, только сыновья от первого брака Шатиньона, но ты мне как дочь! Кстати, я обязательно познакомлю тебя с Луи, он мог бы со-

ставить тебе отличную партию!

– Благодарю вас, – пробормотала я. – Но прошу – дайте мне прийти в себя, освоиться в новом для меня обществе! Я пока не готова искать себе мужа.

Особенно, если я его уже себя присмотрела, да.

Герцогиня понимающе улыбнулась, а потом отдала меня на растерзание подъехавшей портнихе. Клянусь, даже упражнения в клане Кио не были столь жестоко изматывающими, как снятие мерок и обсуждение тканей! Меня измерили бесчисленное количество раз. Я вставала на табурет, наклонялась, изгибалась, а потом должна была выбирать между двумя одинаковыми зелеными образцами ткани!

– Нет, нет, только не голубой! – говорила я. – В Ниххоне это цвет смерти! А желтый может носить только император или евнухи. Кстати, о евнухах! Моему слуге нужен будет соответствующий наряд!

– Так он евнух? – разочарованно сморщила носик Хлоя. – Какой кошмар!

– Почему кошмар?

– Ну... он симпатичный. Был бы дееспособным – многие захотели опробовать подобную экзотику.

– И вы? – с нервным смешком спросила я.

– Я была бы первая. Ох, ну что ты смотришь круглыми глазами? Шатиньону за семьдесят, а мне чуть больше сорока. Да он и не был никогда львом в постели. И он не против моих любовников. Ива, это нормально – куда более нор-

мально, чем довольствоваться всю жизнь одним мужчиной или вообще страдать от воздержания!

Я опустила глаза, понимая вдруг, почему мама с таким презрением отзывалась о нравах при дворе.

– Только не говори, что ты в свои девятнадцать ни разу не видела мужского члена!

– Видела, – выгнула брови я.

– Ну вот, тогда ты справишься.

Я очень в этом сомневалась, хотя и прошла обучение в лунном доме. Зато теперь поняла, почему мама ни словом не возразила против моих капризов. Отец был против обучения, но мама сказала, что оно мне не раз сослужит добрую службу при дворе Ранолевса. Хотя... мне ли судить местные нравы, когда я готова была лечь под Ю-Вея за пять тысяч риссов? А сейчас и бесплатно согласна... И, пожалуй, обычаи этого общества сослужат в этом деле мне добрую службу!

6. Приглашение во дворец

Мне было страшно. Я ехала сюда с уверенностью, что возвращаюсь домой. Думала, меня все тут ждут, что король лично возьмет меня за руку и введет в свой круг. В конце концов, я же – герцогиня Шантор! Так положено! Но внезапно оказалось, что про меня Вазилевс будто бы забыл сразу же, как только я покинула его кабинет.

Да и ёкай с ним, с этим Вазилевсом, а вот то, что про меня забыл Арман, было совершенно неприятно. Это было неправильно. Я хотела узнать его поближе, очень близко, очень-очень. Но он старательно меня избегал. Я и не знала, чего можно придумать, чтобы увидеть его. Просила сопроводить меня в банк (через Макеши, конечно), но Волорье прислал мне своего банкира. Приглашала на ужин – ответил, что ему недосуг. На мое пожелание осмотреть столицу получила сдержанный ответ прогуляться самостоятельно. Неприкрытое хамство и неуважительное отношение налицо.

А вечера у Хлои Шатиньон – полная тухлятина. Приходят дамы лет сорока и начинают кудахтать. Иногда приводят мужей – мне их жаль. Несчастные не знают, куда деваться от пристального внимания. Меня представляли как некую диковинку. Еще бы – всамоделишная герцогиня, да еще молодая, да еще выросшая в монастыре! Я хлопала глазками и цитировала священные книги в надежде, что меня оставят в

покое. Как бы не так – любые слова вызвали у гостей бурный восторг.

Ну что ж, придется мне действовать в традициях Ниххона. А именно – брать всё в свои руки. Терпением я никогда не отличалась. План был безукоризненным: Макеши выяснял, где можно встретить Его Величество – помимо дворца, разумеется, а я как бы случайно там появляюсь и напоминаю о себе. И заодно жалуясь на то, что граф Волорье меня избегает. Подстрелить двух птиц одной стрелой – вот как это называется.

Оказалось, что поймать его неуловимое Величество довольно сложно, к тому же его всегда сопровождает свита, которая просто напросто затопчет маленькую хрупкую меня. У Макеши был план Б, обсудив который, мы начали действовать.

На рассвете нормальные люди предпочитают спать, а я вот, никак не привыкшая к тому, что солнце в Ранолевсе встает гораздо позже, чем в Ниххоне, седлаю кобылку и выезжаю на прогулку в парк. Здесь середина весны, ночи еще холодные, но красота невероятная. Свежая зелень кустов еще такая нежная, такая юная! А у лиственниц иголки словно самый драгоценный мех – мягкие и трогательно взъерошенные. На клумбах проклевываются гиацинты и крокусы. У меня дух захватывает от подобной красоты, и я, забыв обо всем, спрыгиваю с лошади, чтобы потрогать эту прелесть, не обращая внимания на протестующее шипение

Макеши.

– Ива-тян, не время, не место... Уру ману нья!

Ого! Если уж Макеши ругается...

Я немедленно обернулась, замирая. Захотелось вдруг сесть на землю и закрыть лицо руками.

– Опять вы! – рявкнул знакомый голос. – Какого демона?

– Вы – это кто? – любопытствовал юноша, который вместе с Волорье невесть как оказался в парке.

То есть, не невесть как, конечно. Мы прекрасно знали, что его высочество Бенедикт II уже вторую неделю возвращается под утро из кабака. Да, после того, как отец запретил ему встречаться с маркизой Лорье, точнее, отправил маркизу вместе со своим мужем в их вотчину в горах. И не удивительно – парню шестнадцать, а маркизе – в два раз больше. Между прочим, и самого Бенедикта ждала поездка на Север, но он не слишком торопился покидать столицу. Всё это верный Макеши узнал без особого труда. Вот только того, что Волорье именно сегодня сопровождает своего принца, мы не знали. Планировали поймать принца, возможно, со свитой, лучше бы с кем-то из Шатиньонов, которым я была уже представлена.

Впрочем, мне это только на руку именно этот сопровождающий.

– Вы удивительно вежливы, граф, – вздохнула я, трепеща ресницами и украдкой разглядывая принца. – Каждый раз, когда я с вами сталкиваюсь, не перестаю удивляться вашим

манерам!

Арман побагровел и открыл рот, явно намереваясь наговорить мне гадостей. Не успел.

– Прекрасная незнакомка, – засиял принц (слухи, уверявшие, что его юное величество не может пройти спокойно мимо красивой женщины, оказались достоверны). – Не ожидал, что мое утро будет таким добрым. Представь же нас скорее, Арман!

– Герцогиня Шантор – к вашим услугам! – процедил сквозь зубы Волорье. Получилось у него очень-очень двусмысленно. – Его высочество Бенедикт II.

Я склонилась перед принцем, как того требовал этикет, а Бенедикт вдруг прикусил губу.

– Ну и зачем? – обиженно буркнул он. – Зануда! Для вас, прекрасная, я просто Бен. И забудьте про слова этого осла. В самом деле, принц я только во дворце, а сейчас – просто мужчина.

Просто мальчишка, я бы сказала, причем – отъявленный бабник. Вон как он ощупывает меня глазами. Мне стало вдруг весело, и я улыбнулась этому сердцееду широко и искренне.

– Боюсь даже представить, что его высочество делает в парке в столь ранний час.

– А вы? – не остался в долгу Бен. – Вы – ранняя пташка?

– О, в монастыре я всегда вставала на рассвете, теперь никак не могу привыкнуть к вашему образу жизни.

– Погодите, вы – та самая герцогиня Шантор? Которая оскорбительно и нагло проигнорировала уже два приглашения на вечерний прием от его величества? Ну дела!

Я с ужасом раскрыла глаза – какие приглашения? В панике взглянула на Макеши, который развел руками, потом, с осознанием грядущей катастрофы – на Волорье. Его проделки? Но он с серьезным видом еле заметно качнул головой, нахмурился.

– Но я не получала никаких приглашений, – пролепетала я. – Это... ошибка!

– Это диверсия, – поправил меня Волорье. – Вы очень не нужны кому-то во дворце. Что ж, наш заговорщик своего добился: третье приглашение непременно стало бы последним.

Я сглотнула. Сначала карета, теперь вот – приглашения. Неужели при дворе у меня были враги?

– Я проконтролирую, – пообещал Волорье сухо.

– А скажите, – меня поразила вдруг новая мысль. – А вы мои приглашения тоже не получали?

Возмущенно зашипел Макеши. Принц захихикал. Волорье мрачно посмотрел на меня.

– Я столько раз посылала вам записки, граф – потому что именно вас его величество назначил моим... хм... опекуном на время пребывания в столице. Что же – тоже диверсия?

– Нет, – признал Арман с кривой усмешкой. – Это было намеренное игнорирование.

– Мерзавец, – шепнул принц. – И глупец. Герцогиня, я

приношу вас самые искренние извинения за моего друга. Простите его, он военный. Его так часто било по голове в бою...

– Охотно верю.

– Что ж, нам пора. Уверен, мы обязательно встретимся, – кивнул принц. – Не прощаюсь, прекрасная герцогиня!

И они уехали. Волорье, кстати, тоже... не прощался.

– И не смотри на меня так, – проворчала я, подхватывая поводья лошади и медленно бредя по дорожке вглубь парка. – Я прекрасно знаю, что Волорье – грубиян и мерзавец. Но до чего ж красив!

Макеши хмыкнул.

– Да, красив! – пылко воскликнула я. – И его шрам совсем не портит. Только подчеркивает мужественность. Жаль только, что я ему совсем не нравлюсь.

– Я бы так не сказал, – неожиданно встрял в мои рассуждения Макеши. – Он ведет себя так, словно ты ему очень нравишься. И ему не нравится то, что ты ему нравишься.

– Очень логично, – закатила я глаза. – Ох уж эти мужчины!

И тем не менее, план наш сработал, причем куда полнее, чем мы рассчитывали. К обеду в доме Шатиньонов Арман появился лично – и передал мне приглашение на ужин у короля. Прямо сегодня.

Вот он, мой звездный час! Герцогиня Шантор возвращается! Они, наверное, думали, что я растеряюсь, запаникую

и начну суетиться, но как бы не так – платье из розовой с золотом парчи давно висит приготовленное, а прическу горничная Хлои соорудила не самую сложную, но вполне приличную – вплета в мои кудрявые волосы жемчужные нити. Бьюсь об заклад, такого жемчуга в Ранолевсе нет ни у кого! Самый лучший, ниххонский. И ожерелье тяжелое, из розового крупного жемчуга. Его можно обмотать вокруг шеи трижды.

Немного подвела глаза, натянула перчатки – и ослепительно красивая спустилась вниз к уже ожидающему меня Арману. Он был в черном – оттеняя блистающую меня. А все же мы идеальная пара: он высокий блондин в черном, я – жгучая брюнетка в золотом. Жаль, что между нами ничего нет. Но это пока.

– Ослепительна! – ровно сказал Волорье, а я вдруг уловила в его голосе упрек, почти издевку.

– Вы предпочитаете мужчин, дорогой граф? – прищурилась я.

– Что? Вот еще глупости!

– Тогда отчего вы так ненавидите красивых женщин?

– Возможно, потому, что завидую их красивым любовникам? – с неожиданной искренностью ответил он.

Я замерла, а потом кивнула Макеши. Тот, как обычно, был в своем ярком шелковом наряде.

– Вы берете с собой... раба? – удивленно спросил Волорье, так и не дождавшись ответа на свое высказывание. – За-

чем?

– Телохранителя, – поправила его я. – Никогда не знаешь, чем закончится вечер.

– В королевском дворце нет необходимости опасаться за свою жизнь... и честь.

– Неужели? – вскинула бровь я. – Но ведь кто-то там настолько меня не любит... К тому же иного защитника у меня нет. Вы, граф, очень успешно манкируете своими обязанностями.

Волорье нахмурился. Это он еще не знает, что у моего веера, такого яркого, такого расписного, внутри металлические пластины. Стоит только по-особенному повернуть ручку, как дамский аксессуар превратится в довольно грозное оружие, которым я неплохо владею. А две длинные шпильки в моих волосах полые, и внутри них яд. Одинокая девушка в Ранолевсе должна уметь постоять за себя.

– Что ж, телохранитель так телохранитель, – наконец, решил моральную дилемму Арман. – Но за стол его, разумеется, не посадят.

– Ничего, я не голоден, – прищурился Макеши, явно давая понять, что он – не безгласая собачонка. – Как-нибудь переживу подобное бесчестье.

– Отрежьте вашему рабу язык, – посоветовал Волорье. – Пока ему не отрезали голову.

– И не подумаю, – фыркнула я. – Меня он устраивает в том виде, в каком он есть сейчас.

Арман как-то странно на меня посмотрел, качнул головой и подал мне руку.

Пора было ехать.

7. Охотник и добыча

Мои приемные родители – далеко не последние люди в Ниххоне. Отец, некогда один из лучших Охотников на ёкаев, теперь назначен дайджином – министром, как сказали бы в Ранолевсе. К нему прислушивался сам император. Поэтому на приемах, подобных королевскому ужину я бывала не раз.

Не боялась, не стеснялась, не скромничала. Ниххонский этикет очень строг, если уж я там не ударила в грязь лицом, то тут и подавно справлюсь. Нужно лишь молчать, когда с тобой не разговаривают, поддерживать беседу, когда к тебе обращаются, и кушать понемногу и очень осторожно. Все это я вывалила Арману по дороге, то и дело стягивая перчатки и вытирая вспотевшие ладони о юбку. Он смеялся.

– В общем-то вы совершенно правы, герцогиня. Но не волнуйтесь, я не такой уж упырь, чтобы бросить даму в беде. Так и быть, буду вашим кавалером.

– Упырь? – удивилась я. – А кто это?

– Это... мерзкая тварь. Восставший покойник, который пьет кровь по ночам.

– О! Такие твари существуют в Ранолевсе?

– Конечно, нет, не переживайте.

– Существуют, – неожиданно пробормотал Макеши. – Как и ёкаи, и ёни, и татаны, и хакатури.

– Ты, я погляжу, специалист по нечисти? – недовольно

спросил Арман.

– Да. Я тохунга. Шаман по-вашему.

– И что ты делаешь в Ранолевсе?

– Охраняю госпожу Иветту.

– Занятно. От злых духов?

– От любого зла.

Мне показалась, или в глазах Армана мелькнуло уважение и любопытство? Он замолчал, потирая подбородок, а я молча удивлялась. Впервые Макеши рассказывал кому-то про себя так подробно. Надо будет его спросить, с чего вдруг Волорье – и такое доверие. Чем заслужил? Макеши ничего не делал просто так. Значит, Волорье ему по нраву, и это прекрасно. Потому что я твердо намерена его заполучить. Для начала – в постель, а дальше видно будет.

Мы приехали к королевскому дворцу. Он был далеко не таким красивым, как у ниххонского императора. Ни золоченых колонн, ни драконов на крыше, ни ярких лаковых узоров. Просто скучный серый камень. Да, стрельчатые окна и остроконечные башни были по-своему элегантны, но в целом дворец показался мне унылым. Внутри было немного лучше – золоченая лепнина на потолке, красивые мозаичные панно, полы из наборного паркета, блестящие так ярко, словно лед в солнечный день. И занавеси везде, где только можно – бархатные и парчовые. А вот цветов не было совсем, и это мне не понравилось. В Ниххоне каждую комнату, каждый зал непременно украшали живыми композициями, по-

тому что никакие человеческие творения не сравнятся с красотой природы. Ниххонцы почитали и духов воды – устраивали фонтаны и небольшие водопады, где каждый из гостей мог ополоснуть руки. Здесь же глаз падал лишь на весьма реалистичное изображение коня с обнаженным всадником на нем. На всякий случай я не стала уточнять у Армана, чей это такой откровенный портрет.

– Герцогиня Шантор! – объявили мое имя. – Граф Волорье!

– Ну разумеется, уже спелись, – послышалось чье-то ехидное замечание, и по залу прошла волна оживления.

– Действительно, – одобряюще коснулся моего локтя Арман. – Кому как ни мне вас сопровождать. Не хватает только Клебсона, и известная всему Ранолевсу тройка мятежников была бы в сборе, не так ли?

– Мятежников? – усмехнулась я. – Скажите лучше – самых преданных слуг его величества.

– Действительно, – радостно согласился шагнувший нам навстречу принц Бенедикт. – Для полноты компании нужно бы дождаться господина Акихиро Кио, благо, он уже на пути сюда. Великолепное совпадение и великолепная Иветта Шантор – сегодня с нами. Умоляю, скажите, что вы танцуете!

– Обязательно танцую, – согласилась я.

Совпадение? Как бы не так! Совпадение – это присутствие здесь Армана Волорье. И Кио и Шантор – это тайный альянс!

Подозрительно оживленный Бенедикт выразил желание

представить меня своей свите. Я кинула жалобный взгляд на Армана, который тот подчеркнуто проигнорировал. Ладно, я тебе это припомню, упырь!

А Макеши потерялся где-то по дороге, в зал его не пустили.

Народу было не так уж и много: полсотни человек, не больше. В свите принца – сплошь красавцы, имена которых мне были смутно знакомы: Фионелль, Шатиньон, Жервьен... Весь цвет северных провинций. Все, по-видимому, мои соседи. И все – кандидаты на мою руку и мои владения. Приветствовали меня бурно. Целовали руку, наперебой восхищались моей красотой и скромностью, буквально требовали свой танец – позже, когда заиграет музыка.

Герцогиня Шантор была здесь не просто женщиной – желанным трофеем. Клянусь, в глазах каждого вспыхнул алчный огонек, когда я обронила, что единственная наследница одного из самых древних родов королевства.

Именно этого я и хотела. Именно такая у меня была задача: выбрать себе мужа и родить сына. Но вот только ни один из этих красивых юношей меня уже не интересовал. Мой личный список кандидатов ограничивался теперь одним именем, написанным крупно по середине листа.

Арман Волорье.

А Волорье, обещавший быть моим кавалером и опять солгавший, уже улыбался каким-то другим дамам. Что за невыносимый мужчина! Словно почувствовав мой кровожадный

взгляд, он медленно повернулся – и именно в этот момент заиграла вдруг музыка!

– Вы позволите? – оттеснил прочих претендентов Бенедикт.

Я медленно покачала головой, не сводя глаз с Армана.

– Увы, первый танец я уже обещала графу, – с притворным сожалением ответила я.

– Он охотно мне его уступит. Так что же?

– Спросите его сами.

– Всенепременно. Эй, Арман! Поди сюда!

Волорье, внимательно за нами наблюдавший, приблизился, чуть склонив голову.

– Ты же уступишь мне свою даму? – нетерпеливо спросил принц. – На первый танец?

– Вы обещали, – одними губами напомнила я удивленному Арману, и тот вдруг криво ухмыльнулся.

– Не уступлю. Герцогиня?

Я охотно вложила свои пальцы в его большую ладонь.

– Но я – твой принц! – возмутился было Бенедикт, но его уже никто не слушал.

Арман уверенно увлекал меня в сторону танцующих пар.

– Ах, какой вы дерзкий, – взмахнула я ресницами. – Так нагло отбить у принца партнершу по танцу!

– Вы желаете, чтобы я вас вернул?

– А вы вернете? – я отчаянно и беззастенчиво с ним флиртывала, получая огромное удовольствие.

– Нет, конечно. Отобратить женщину у его высочества – это великая победа!

– Так я – добыча?

– Я не уверен. Возможно, добыча – я. Как вы считаете, герцогиня?

– Я предпочла бы, чтобы вы были охотником.

Ответить он не успел, наша пара разошлась, делая несколько шагов назад. Потом снова – сошлась. Мы соприкоснулись кончиками пальцев. Он склонился, я присела. Танец был слишком коротким.

А потом я танцевала с принцем, еще один танец пришлось отдать Жеревьену. Молчала, лишь опуская ресницы и односложно отвечая на вопросы, изо всех сил изображая из себя простушку, только что покинувшую монастырь. Они меня нисколько не интересовали, и когда объявили ужин, я выдохнула с облегчением.

Меня усадили между Волорье и самим королем – напротив Бенедикта. Кажется (кошмар какой!) – на место королевы, которая, кстати, тут не присутствовала вовсе. Юный принц пытался было поменяться местами с Арманом, но под суровым взглядом короля скис. Я бы тоже с радостью скисла – как молоко. Но приходилось держать лицо. Молчать не выходило – его величество уделял мне столько внимания, что даже страшно, что теперь подумает общество. Если бы в Ниххоне кто-то из сыгунов или сам Император обратился ко мне несколько раз – меня бы уже прочили в наложницы. Ес-

ли бы вели со мной такие вот прилюдные беседы, проникновенно глядя в глаза – то потом можно было бы ждать яда в чае или шелковый платок на шею в коридоре.

Я была в ужасе. Краснела, бледнела, отвечала невпопад. На вопросы о погоде блеяла что-то невнятное. Как легко было разговаривать с Вазилевсом наедине – и как сложно, когда каждое слово ловит сотня ушей! Наверное, я произвела впечатление косноязычной трусихи, ну и пусть. По легенде Ива Шантор росла за стенами монастыря. Отчего бы воспитаннице монастыря не робеть, не краснеть рядом с мужчиной?

– Я вас не узнаю, – шепнул мне Волорье, задевая подол моего платья коленом. – Такая скромница! Браво! Вам бы в театре играть!

– Не смешно, – прошипела я. – Его величество смущает меня своим чрезмерным вниманием.

Арман замер, поглядел изумленно. Его глаза расширились, а губы искривила ехидная усмешка.

– Разве вы не этого хотели?

– Вовсе нет.

Наконец, мучительный вечер подошел к концу. Я едва не падала от усталости. Встала в такую рань, чтобы поймать этого глупого принца – а сейчас время уже полночь. А еще возвращаться домой – к Хлое! И так просто эта женщина меня не отпустит в свою комнату, потребует подробностей. Я тут сейчас умру.

– Его величество предлагает остаться на ночь во дворце, –

сообщил мне Арман, позволяя опереться на его локоть. – Вашему... телохранителю тоже будет отведена каморка.

– Это... безопасно?

– А вы сомневаетесь?

– Нет, я не в этом смысле. Не зайвится ли ко мне кто-то ночью с визитом?

– А вы хотели бы?

– Ни в коем случае! – горячо воскликнула я. – Только спать!

– В таком случае, ваш верный раб будет охранять ваш сон.

– Вы про себя?

– Я про вашего туземца. Он ведь – евнух?

– Жаль. Я бы предпочла, чтобы мой сон охраняли именно вы, – неловко ушла я от вопроса. – Но и Макеши сгодится. Вы меня проводите?

– Всенепременно. Я для вас совершенно безопасен, уверяю.

Уверяет он! Зато я для тебя – очень даже опасна!

Он вел меня по коридорам дворца, спокойно рассказывая, что гостевых покоев тут немало – и сегодня никто не собирается уезжать. А я – мечтала, что вцеплюсь в него сейчас и все же затащу в свою постель. И от этих мыслей голова кружилась, пылали щеки и дрожали пальцы.

У самой двери «моих» комнат не выдержала, схватила его за рукав, втянула внутрь и захлопнула дверь. Громко. С треском.

Всё, я тебя поймала!

8. Кораблекрушение

Он замер, пристально глядя на меня.

– Ну что вы смотрите, граф? – нервно выпалила я. – Или вы не охотник? Или я – неподходящая добыча?

– Или охотник – вовсе не охотник? – пробормотал он, очерчивая пальцем мои губы. – Значит, завлекла меня в ловушку, лисица?

– А вы – сбежите?

– Не сразу, – тихо ответил он, шагая мне навстречу и стискивая плечи.

А потом легко подхватил меня на руки и несколькими широкими шагами пересек комнату. Я даже и не заметила, что здесь была лишь невысокая кушетка. Толкнул ногой дверь – вот она, кровать! Опустился на нее, усаживая меня на колени, заглянул в лицо.

– Ты точно этого хочешь?

Вместо ответа я закинула руки ему на шею и робко поцеловала сначала в подбородок, потом – в губы. Целомудренно – потому что целоваться я не умела совершенно. Только бы не заметил!

Арман запустил руки в мои волосы, растрепывая прическу, размотал жемчужное ожерелье немислимой стоимости, отбросив его на подушки, а потом развернул меня к себе лицом и усадил верхом на свои колени, задирая юбку до самых

бедер.

Да, да! Я совершенно точно – хочу!

Я таяла в его объятиях. Сильные руки, скользившие по моему телу. Обжигающие губы. Жадные поцелуи, где языки сплетались как змеи. Меня всю колотило от неистового желания. Он, оторвавшись от моего рта, быстро расстегивал платье, стягивая его с плеч. Я всячески ему мешала, то хватая его за плечи, то запуская ладони под рубашку и ощупывая мускулистое тело, но он справился с задачей. Невольно мелькнула мысль, что Арман – мужчина опытный. Платьев он за всю жизнь снял с женщин немало. Плевать. Хоть кто-то тут опытный. На мне одна сорочка и панталоны, признаться, мокрые насквозь. А я так и не сумела снять с него рубашку. Он притянул меня еще ближе, стиснул ягодицы большими сильными ладонями. Я застонала ему в рот, чувствуя, как напряжённый член упирается мне в промежность. Даже два слоя ткани не мешали ощущениям. Ближе, ещё ближе! Сжала его бока коленями, обвила руками шею, зарываясь пальцами в светлые волосы, откинула голову, позволяя горячим губам коснуться шеи. От поцелуя за ушком меня всю выгнуло, я не могла и не хотела сдерживать стоны. Ничего больше не существовало на свете, кроме его рук и губ.

– Апп, – зарычала я, раскачиваясь на его бёдрах, когда он прикусил мочку уха. – Не могу больше терпеть!

– Что ж, не можешь так не можешь, – неожиданно равнодушно заявил он. – Тогда я пойду.

Он снял меня с себя, толкнул на кровать и невыносимо спокойно поправил рубашку. Я растерянно смотрела на него, не понимая, зачем он так шутит. Дыхание у него сбившееся, в штанах – внушительный бугор. Он возбужден так же, как и я!

Но... он уходит?

– Арман, – испуганно окликнула его я. – Что я сделала не так?

– Все так, детка. Ты на редкость хороша. Просто я со шлюхами не сплю.

– Но я...

– Такая же, как твоя мать, я вижу. Ада Шантор не отличалась разборчивостью. И ты не далеко ушла. Вы, женщины, такие забавные, такие предсказуемые!

– Арман!

– Не делай такую жалобную моську, малышка. Никогда я не поверю, что ты в самом деле хочешь это, – он указал рукой на свое лицо. – Ну, или тебе нравится цирк уродов. Может, скажешь, что ты хотела от меня на самом деле?

– Я хотела тебя, – хрипло ответила я, прикрывая растерзанную сорочку одеялом.

– Ну конечно! Так я и поверил!

Он натянул сапоги и покачал головой:

– Не все в этом мире можно получить через постель, детка. Иногда нужно просто попросить.

– Что... что ты имеешь в виду?

– Как минимум, тайник в Белом Замке. Как максимум... ну, что тебе ещё может быть от меня нужно? Знакомство с наследником? Так уже... Приглашение на заседание совета лордов? Ммм... моё воображение даёт сбой.

"Лишение невинности, – про себя подумала я. – Приду-рок, мне и в самом деле от тебя нужен только член."

Не поверит. Придумал уже себе что-то. Целую теорию заговора придумал. Ладно, Арр. Думаешь, ты самый умный? А вот и нет. Я все равно тебя заполучу, не по-хорошему, так по-плохому.

Наверное, на моем лице что-то можно было прочесть, потому что Арман поморщился.

– Даже не думай, – предупредил меня он. – Я все равно спать с тобой не буду. Как ты ни вертись.

– Почему? – поинтересовалась я, откидывая одеяло и поворачиваясь так, чтобы свет лампы обрисовывал контур тела под тонкой тканью. – Ты меня хочешь – и не отрицай. Ты не импотент. Ты явно не монах. Так зачем лишать себя удовольствий, не понимаю?

Он оперся на косяк двери, разглядывая меня. И я-то видела, что бугор в его штанах меньше не стал!

– Я не хочу играть в глупые игры, – наконец, сказал он. – Это не по мне. Не хочу спать с кем попало. Хочу, знаешь ли, любви. Настоящей.

Я хотела было возмутиться – это я-то кто попало? – но вовремя прикусила язык. По глазам его поняла – не врёт, не

рисуется.

– Погоди, а пока ты не нашёл ту единственную... что же, целибат держишь?

– Ну, всегда есть честные шлюхи, которые за звонкую монету готовы тебя обслужить по первому разряду.

– Хм... то есть я либо не честная, либо не шлюха? А, я поняла! Надо было потребовать денег!

Подошла к нему вплотную (ух, он высокий, приходится голову задирать), скользнула ладонями по животу, приподнялась на носочки и щелкнула зубами у его подбородка. Он невольно отпрянул, гулко ударившись затылком об косяк.

– Не могу сказать, что я в восторге от нашего разговора, но за честность спасибо. Платье помощи застегнуть.

– Что, к другому пойдешь?

– А твоё какое дело? Впрочем, если тебе интересно – разыщу Макеши.

– Хм... он уймет твой жар?

Громкий звук оплеухи – и я трясую ладонью. Я его сейчас ударила по лицу, и совершенно не жалею об этом. Слишком много оскорблений на сегодня!

– Нет? Что ж, приношу свои извинения. Я передам ему, что ты его искала.

– Ну ты и... козёл!

Он пожимает плечами и выходит, оставляя меня одну. Вот ведь мерзавец! Я злюсь, я обижена... но невольно вдруг смеюсь. Точно так же я поступила с ним в Ниххоне. Интересно,

он что-то помнит о том вечере? Хотя сложно забыть о том, сколько денег ты выложил за несостоявшуюся ночь с лунницей. Ничего, Арман. Сейчас мы ведём в счёте. Но я заставлю тебя пожалеть о каждом слове. Ты будешь моим – это даже не обсуждается.

Макеши явился спустя четверть часа. К тому времени я уже успела успокоиться, забраться под одеяло и задремать. Нет, я не побегу к Арману прямо сейчас. Во-первых, я не знаю, где его искать. Во-вторых – у меня нет с собой ни маски, ни кимоно, а в-третьих... спать ужасно хочется.

– Никого не пускай, – сонно пробормотала я. – Вообще никого, даже принца, даже короля.

– А ты времени зря не теряла, – фыркнул мой названный дядюшка и по совместительству нянька.

– К сожалению, вышло совсем не так, как я хотела, – вздохнула я. – Кстати... что ты думаешь о графе Волорье?

– Я думаю, что недолго ему осталось.

– Это почему? – испуганно подскочила я.

– Потому что если маленькая хищная птичка решила – она обязательно заполучит своего морского змея, верно? Я дам ему месяц, не больше.

– Ты слишком уверен во мне.

– Нет, я просто вижу, как он на тебя смотрит.

Ну и что с того, что Арман на меня смотрит? Он сбежал из моей постели! Какое... кораблекрушение! Глупо, нелепо, смешно!

Не смертельно.

Это как танец – каждый из нас сделал свои шаги. В Ниххоне мужчины не танцуют. А в Ранолевсе танцы парные. А это значит – с ним нужно по-ниххонски. Я танцую, он любит. По-моему, прекрасный план.

Спала я так крепко, что даже если незваные гости и приходили меня навестить, то меня это нисколько не побеспокоило. Спросила у Макеши, были ли визитеры – он только плечами пожал и дернул головой. Мой охранник был каким-то помятым, серым. Видимо, снова во сне «путешествовал», он может. У шаманов случается. Было совершенно ясно, что разговаривать он сегодня не хочет.

Зато Его Величество очень хотел... надеюсь, что только разговаривать! Постучавшийся в двери лакей мягко, но строго пригласил меня следовать за ним – в королевскую приемную.

Я была совершенно не готова. Мятое платье, небрежно брошенное на пол, утром было по-прежнему мятым. Белье – несвежим. Прическа растрепалась. Да и бес бы с ним, что платье мятое – так оно еще и вечернее. Богатые украшения и низкое декольте утром – невозможно вульгарно! Не передать, как мне неловко в таком виде предстать перед Вазилевсом! Но выбора у меня нет совершенно, и я киваю Макеши, чтобы шел за мной: без него страшно.

В отличие от меня, король (о, кто бы сомневался!) свеж и

опрятен. Он у себя дома. Ему, разумеется, принесли поутру воду для умывания и чистую рубашку. В отличие от меня. Я смущена, я голодна, я неумыта и практически не причесана. Кое-как расчесала волосы пальцами и затянула лентой, оторванной вчера с сорочки – это Арман слишком нетерпеливо меня раздевал.

Его величество окидывает меня взглядом, полным недоумения.

– Мне лестно, что вы так спешили ко мне, Иветта, но... возможно, стоило немного... привести себя в порядок? – мягко спрашивает он, чуть шурясь.

– Как? – прямо спрашиваю я. – Горничной мне не представили. Даже воды для умывания не принесли.

– А завтрак? – как-то хищно склонил голову король. – Вы завтракали?

– Нет.

– Как забавно, – усмехнулся он. – И как мелочно! Всем гостям в моем дворце предоставляется прислуга и приносится завтрак поутру. Стало быть – она не угомонилась?

Она? Вот это поворот! Я замерла, вдруг понимая. Кто может быть – она? Кто и почему может не желать моего присутствия во дворце? Только тот, кто знал мою мать – и то, что она была фавориткой Вазилевса. А кому могут помешать фаворитки – да только законной супруге! И все эти методы – они такие женские!

– А ведь меня так и не представили ее величеству, –

скромно потупилась я. – Разве я могу так оскорбить ее пренебрежением?

– Действительно, это недопустимо, – усмехнулся король. – Поезжайте сейчас домой, а вечером – жду вас на прогулку в саду – часа в четыре.

– В сопровождении графа Волорье? – небрежно уточнила я. – Одной, наверное, просто неприлично.

– И герцогиню Шатиньон тоже захватите. Ее так давно не видно... Итак, Иветта, до вечера. И не опаздывайте.

9. Женский заговор

– Он так и сказал – вместе с герцогиней Шатиньон? – в сотый раз переспросила Хлоя. – О, его величество про меня не забыл!

Я кивала (в сотый раз), улыбалась. Вертелась перед зеркалом и мучительно сомневалась. Как подстрелить двух птиц сразу: понравиться Арману и не показаться королеве слишком уж красивой? Это было очень сложно! Не слишком ли скромное платье? Как лучше на прогулку: с тонким плащом или камзолом на манер мужского? Шарф нужен или нет? Ботинки или сапоги? Перчатки – шелковые или кожаные? В кожаных теплее, а шелковые изящнее.

Насыщенный винный цвет теплого бархатного камзола делает меня старше и строже. Ах, надо было надевать изумрудную амазонку, но уже поздно. Что ж, ничего не поделать, можно только чуть-чуть освежить наряд белым шелковым плащом. И тогда – шелковые белые перчатки. Не так уж и холодно на улице! Высокие ботинки на шнуровке, кокетливая крошечная шляпка с длинным петушиным пером и никаких, упаси боги, пудр и помад! Естественность и скромность – все же не стоит оставлять за собой такого врага, как ее высочество.

– До чего ж ты на Аду похожа! – вздыхает Хлоя, а я хмурюсь.

Походить на Аду Шантор нынче – дурной тон. Мне неоднократно дали это понять. Интересно, а Арман – помнит мою мать? Он старше меня на восемь лет, ему было одиннадцать, когда она погибла. Он должен был быть с ней знаком. Спросить бы его, за что он так ее ненавидит... так ведь не ответит.

Граф Волорье приехал вовремя и был до омерзения галантен – помог нам спуститься со ступенек, открыл дверцу экипажа. Видимо, ради Хлои, потому что мне он обычно только грубил. Мы уселись в его ландо – Макеши запрыгнули на облучок к кучеру. Сегодня Арман кивнул ему, как своему. Обидно – даже на Макеши он смотрит приветливее, чем на меня. Хотя врать не буду – меня Волорье тоже окинул пристальным взглядом – очень по-мужски. Мне даже показалось, что я немного ему сегодня нравлюсь.

Хлоя болтала обо всем на свете – вот чего у нее не отнять, так это умения вести себя в обществе. Мне вдруг остро стало не хватать смелости. Я угрюмо молчала. Вспоминала, как Арман меня целовал – это было впервые в моей жизни. А потом оттолкнул – и это тоже было впервые. Не раз и не два мне самой приходилось отталкивать излишне настойчивых мужчин. Однажды меня пытался «приласкать» сам сьогун. Не в меру ретивому мужчине (спору нет, привлекательному – сьогун был красивый, крупный, хоть и немолодой) пришлось изо всех сил наступить на ногу деревянной сандалией. Что же, он понял все сразу. Извинился даже. Ниххонские

мужчины – они совсем другие. Там совершенно невозможно представить, чтобы кто-то оскорбил женщину знатного происхождения словами или поступками – это немыслимый позор! И чем выше статус мужчины, тем скромнее его поведение. Император одинаково вежлив как с женой дайджина, так и с самой последней полумойкой, что, впрочем, не мешает ему хладнокровно отдавать приказы о телесных наказаниях своих наложниц или служанок.

Неизвестно еще, что лучше – холодная змеиная вежливость или открытая ненависть.

Я опять оправдываю Армана, да? Да, я равнодушна к этому мужчине. Ничего не могу с собой поделать. Он вызывает у меня очень странные чувства: и восхищение, и обиду, и смущение. Вчера я беззастенчиво с ним флиртовала, а сегодня краснею невпопад и прячу глаза. А он, как всегда, нисколько мне не помогает. Смотрит прямо с едкой насмешкой, а я отворачиваюсь, не желая, чтобы он надо мной смеялся.

Дорога рядом с ним невыносимо длинная, хотя ехать до королевского дворца по пустым улицам не больше получаса. И руки у меня в тонких перчатках совсем озябли.

Арман помогает Хлое выйти из экипажа, а потом подает руку мне – и неожиданно задерживает в своих ладонях. Наклоняется ко мне и шепчет:

– Прекратите страдать, красавица. Ничего не изменилось. Я вас не люблю, вы не любите меня – но это не значит, что

мы должны шарахаться друг от друга.

– Не люблю? – вскинула я брови. – Да я вас просто ненавижу!

– И это прекрасно, – смеется Арман. – Идемте же!

И мы идем – а какой у нас выбор?

Наконец-то я вижу королеву! Высокая и статная женщина с холодными голубыми глазами мне явно не рада, приветствует с чуть уловимой брезгливостью в уголках красивых пухлых губ. Но рядом – его величество Вазилевс, который явно «поговорил» со своей супругой. Я просто не представляю, что она теперь думает обо мне, и могу только радоваться, что мы не в Ниххоне. Здесь мне просто не прислали горничную. Там бы запросто подкинули ядовитую склопендру в постель. Женские войны гораздо коварнее мужских, а ревность – ужасное чувство.

– Герцогиня Шантор, герцогиня Шатиньон, не желаете ли прогуляться по парку? – предлагает нам королева.

Хлоя качает головой, тут же выдумывая головокружение и легкую усталость. Я вдруг понимаю, что ей куда интереснее остаться в мужском обществе, а не бродить по лабиринту с королевой и ее стайкой фрейлин. Я же очень желаю прогуляться. И, кажется, в этом наши с ее величеством желания совпадают.

– Итак, вы вернулись на родину, – мы идем с королевой впереди. Остальные женщины отстали, чтобы не мешать нашей «задушевной» беседе. – И как вы находите Ранолевс?

– Очень шумным, ваше величество, – честно отвечаю я. – Так много пустых разговоров!

Интересно, она знает, что я на самом деле – не росла в монастыре?

– В Ниххоне все по-другому? – явно знает.

– Да. Там разговоры тише и тоньше. И медленнее.

– На Севере вам понравится, – неожиданно сообщает ее величество. По ее губам скользит почти незаметная улыбка. – Там люди куда более спокойные. Холодные. Вы уже решили, когда поедете в замок родителей?

– Нет, – вздыхаю я. – Признаться честно, я планировала дожидаться ниххонскую делегацию и ехать уже с ними, но я слышала, что они задержатся?

– Да, море очень беспокойно. Хотя адмирал Волорье и рвется в плаванье...

– Адмирал Волорье произвел на меня незабываемое впечатление, – со смешком призналась я, радуясь, что беседа сама собой коснулась той темы, которая мне была нужна. – Это самый красивый мужчина, которого я когда-либо встречала.

Ее величество от изумления даже остановилась, заглядывая мне в лицо.

– Вы серьезно? – недоверчиво выдохнула она. – Вы находите Волорье красивым?

– Да.

– Он вам нравится.

– Я от него без ума.

– И... вы хотите его заполнить? – догадалась она.

– Очень хочу. Мне кажется, он был бы достойным отцом для следующего герцога Шантора.

Итак, я раскрыла все карты разом. Перед женщиной, которая считает меня своим врагом. Навредить он мне не сможет, не должна, а вот стать союзником... По опыту общения с подругами матери и курятником Хлои я знала, что в любой женщине живет самая настоящая сваха. А еще они очень любят помогать влюбленным дурочкам.

– Пойдем-ка в беседку, Ива, – предложила вдруг повеселевшая королева. – Поговорим, выпьем чаю. Кстати, зови меня Женестьева. Род Шанторов очень древний, они достойны называть по имени своих королей.

– Благодарю вас, ваше... Женестьева. Это честь для меня. Кто молодец? Я молодец!

– Итак, рассказывай, – нетерпеливо приказала Женестьева, едва мы только опустились на подушки.

Одна из фрейлин зажгла маленькую спиртовую горелку, на которую установили чугунный плоский чайник. Поставила две чашки из ниххонского фарфора. Отошла.

– С чего же мне начать?

– Ты когда впервые увидела Армана? При дворе или раньше?

– В Ниххоне, – удивила её я. – Пару раз встречала на улице и уже тогда обратила внимание. Он... умеет впечатлять. И встретив его здесь, в Ранолевсе, я была поражена в самое

сердце. Не иначе, как это судьба.

– А правду ли говорят, что твоя мать, Ада, любила в жизни только одного человека? – неожиданно спросила ее величество.

– Да, матушка... в смысле госпожа Авелин... так и говорила. Когда умер отец, мама тоже умерла внутри. Женщины нашего рода умеют любить только так – раз и навсегда.

– Ты влюблена в Волорье?

– Пока нет. Но я очень близко к этому.

– А... Бенедикт? Кажется, он тобой увлекся, – Женевьева, наверное, хотела назвать другое имя, но она ведь королева, хоть и женщина.

Очень красивая, к слову, женщина. И с очень усталыми глазами.

– Мне интересен только Арман, – заверила ее я. – Я хочу... стать его женой.

Вот так. Впервые я сказала это вслух и теперь понимала – это чистая правда. Я очень этого хочу. Меня устроил бы и статус его любовницы, но этого рано или поздно стало бы мне мало. А интуиция мне подсказывает, что стать сначала женой, а потом уже любовницей куда более вероятно, чем наоборот.

– Волорье – в свите моего старшего сына. Я его неплохо знаю, именно поэтому настояла, чтобы он сейчас был рядом с Бенедиктом. Мальчишке всего шестнадцать, и он сходит с ума от вседозволенности. Адмирал когда-то был таким же,

но ему пришлось резко повзрослеть. Это долгая и некрасивая история, я думаю, девочка, он сам тебе ее расскажет. И да, Арману тоже пора остепениться. Он в самом возрасте для женитьбы, возможно, даже переспел, – она коротко усмехнулась. – Не все мужчины взрослеют красиво, Ива. А некоторые с возрастом и вовсе портятся, как несвежие фрукты.

Я не стала уточнять, кого она имела в виду. Мама рассказывала мне, что его величество Вазилевс был образцом благородства, но отец предупреждал, что он – сын своего отца. К тому же праздная жизнь и отсутствие трудностей мужчину расслабляют, делают его мягкотелым и оттого порочным. Ниххонские воины об этом знают и предпочитают всегда быть в труде и тренировках, чтобы не променять свой узкий суровый путь на широкую дорогу удовольствий.

– Я подумаю, как тебе помочь, Ива. Уверена – у нас все получится.

– Я бескрайне вам признательна, Женевьева. Мне кажется, чай уже готов. Позвольте разливать?

10. На Север

Моя союзница мне, кажется, так до конца и не доверяла, и ее можно было понять. Действовала она молниеносно: уже на следующий день меня снова вызвали в приемную к королю. На этот раз даже не через Армана, а просто запиской. А его величество выглядел не слишком любезным.

– Итак, Иветта, вы все же твердо решили ехать на Север? – спрашивал он.

– Да, это так. Хотя скорее уж не решила, а просто очень хочу увидеть земли моих предков. Но ехать в такую даль одной, в сопровождении лишь раба – глупость несусветная.

– Поедете в свите Бенедикта. Старшим там все же будет Волорье. Я счел нужным не препятствовать общению графа и своего сына, они хорошо ладят, а у Волорье хотя бы имеются мозги и честь. Сначала – в Белый замок, там вас ждет компаньонка, сестра Армана. Будет вам подругой.

Отлично! Я готова была расцеловать его величество! И ее величество, которой явно принадлежали все эти светлые мысли тоже. Всё так, как мне и нужно.

– Так стало быть, это правда? – кисло спросил король. – Вы хотите Волорье?

Я молча потупилась, чувствуя, как щеки заливают краска. Вопрос прозвучал на редкость двусмысленно, но и ответ на него был столь же прямолинеен.

Да. Я его хочу. И в мужья, и в постель, и в отцы своему ребенку.

Кивнула.

– А сил хватит его удержать? Армана я знаю очень давно. Он упрямый, как восточный ветер. Захочет – улетит.

Я неопределенно пожала плечами, продолжая смотреть в пол. Что ответить? Нет, я совсем не уверена даже в том, что мне удастся его поймать в свои сети. Я его очень плохо знаю. Но если не попытаюсь – буду жалеть об этом всю жизнь. Что мне делать, если у меня колени подгибаются рядом с ним и бабочки трепещут в животе? Но обо всем этом королю знать, конечно, не стоит.

– Граф Волорье – из достаточно знатного рода, – медленно сказала я. – Он хорош собой, здоров, умен, богат. И возраст у него самый подходящий. Почему нет?

– Действительно. К тому же у него еще три младших брата, и если с ним что-то случится, будет кому передать титул, – кивнул Вазилевс, хищно прищурившись. – Что ж, я ваш выбор одобряю, дерзайте. Приказывать ему не стану, не такой он человек, чтобы вот так запросто получилось. Он, конечно, не посмеет отказаться, но будет только хуже.

Я кивнула. Да, проще всего было бы приказать. Но его величество не хочет терять верного человека. Здесь не Ниххон – это в Ниххоне любой сьогун был бы счастлив получить невесту из рук Императора. А тут, видимо, всё по-другому. Придется самой.

– Вы свободны, Иветта.

Да, я свободна. Только не уверена, что это плюс. Сделала книксен и вышла, прокручивая в голове унылые мысли. Ну что ему стоило просто приказать, а? Как же я сама смогу его заполучить? Как убедить? Соблазнить его не вышло, он слишком уперт. Возможно, я смогу стать ему другом? Так ведь бывает? Мне нужен план, но беда в том, что в планировании я никогда не была сильна. Маму бы дожидаться, она бы что-то посоветовала. Но чем быстрее я покину столицу, тем лучше. Я откровенно боялась короля. Не нравились мне его взгляды, его намеки.

– Мне очень не нравятся слова Вазилевса, Ива, – неожиданно вырвал меня из невеселых мыслей голос Макеши.

Мы с ним шли пешком по улице – медленно, задумчиво. Оказывается, размышляли об одном и том же.

– Он так нехорошо сказал про братьев Волорье, – продолжал мой туземец. – Что задумал?

– Не знаю. Не уверена, что меня смущает именно это.

– Я думаю, Волорье нужно будет быть очень осторожным, особенно после рождения сына.

– Я думаю, мы забегаем далеко вперед, – хмыкнула я. – Какого сына, о чем ты? Мне сначала нужно завоевать эту крепость, а лишь потом думать о ее обороне!

– Поверь мне, крепость сама готова выбросить белый флаг.

Я не верила, конечно.

Но у меня уже был план, правда, я совсем не уверена, что тот самый, идеальный. Но в свою постель я Армана заполучу, это точно.

Вещи в дорогу я собирала особо тщательно. И на дне моего сундука лежала та самая птичья маска и белое шелковое кимоно. Да, я привезла их из Ниххона. Не то, чтобы я рассчитывала встретить здесь Ю-Вея, нет, я о нем лишь мечтала, будучи уверенной, что нет, никогда мы больше не столкнёмся, а если столкнемся, то кто он рядом со мной? Простой капитан – и герцогиня Шантор? Немыслимо. И наряд этот я положила только для того, чтобы вспоминать иногда самое рискованное мое приключение. А теперь – время пришло платить по счетам. Я очень много задолжала Ю-Вею, и он этот долг получит сполна!

Я ждала кавалькаду его высочества на улице возле дома Шатиньонов, нетерпеливо притопывая каблучками дорожных сапожек. Сегодня я готова к любой неожиданности, даже и к поездке верхом. Темно-синяя шерстяная юбка имеет специальные разрезы для верховой езды, и сапоги у меня под ней высокие, и штаны довольно плотные.

Его высочество задерживался, Макуши хмурил свое выразительное черное лицо, явно недовольный ожиданием.

Хлоя, провожавшая меня, ахала и вздыхала, уверяя меня, что ехать в сопровождении дюжины мужчин – совершенно неприлично. У меня должна быть компаньонка. Я возража-

ла, что у меня есть Макеши, и толку от него куда больше, чем от любой барышни. Вздумает кто-то меня обесчестить – что сможет сделать дуэнья? Завизжать или упасть в обморок? Смешно. А телохранитель меня защитит.

О том, что я сама прекрасно могу себя защитить от насилия и разбоя – скромно промолчала. Незачем это афишировать.

– Ох, да дело ведь не в этом, – попыталась объяснить Хлоя.

– А в чем?

– Компаньонка должна блюсти твою мораль...

– Что? – я вытаращила глаза, смеясь. – Что мне чужая женщина? Если я захочу, она меня не остановит. Да никого не остановит! Это лицемерие ужасное, Хлоя!

– Вся в мать, – констатировала моя старшая подруга. – Та тоже всегда плевала на правила приличия. Оттого и погибла.

– Конечно, – огрызнулась я. – Когда не знаешь, что сказать – вспомни Аду Шантор. Как будто отец у меня был идеальным! Как будто графиня Волорье не путешествовала в сопровождении одного лишь ниххонского воина! Как будто вы, любезная моя Хлоя, не вышли замуж за Шатиньона, едва лишь остыло тело вашего первого супруга!

– Времена были другие, – прищурилась Хлоя. – Там было не до приличий!

– Ничего не другие, – отмахнулась я. – К тому же я буду в свите его высочества. Вы сомневаетесь в его чести?

– У Бенедикта есть честь? – хмыкнула Шатиньон. – Да из всей этой шайки доверять можно только одному Волорье. После того похода, когда он вернулся с таким вот лицом – он очень изменился. А до этого тоже был гулякой и пьяницей. Но сейчас да – моралист. Вынужденно.

– Не смейте оскорблять графа Волорье, – вспыхнула я, не обращая внимания на знаки, подаваемые мне Макеши. Эта старая ворона разозлила меня до крайности. – Он – достойный человек. Он...

– Достойный чего? – раздался насмешливый голос сзади.

Победно улыбнулась Хлоя, явно видевшая, как к нам приблизился Арман и теперь довольная тем, что я попала в неловкое положение. Я снова понимала, что краснею и ничего не могла с собой поделать.

– Достойный всяческого восхищения, – отчеканила я, глядя Арману прямо в глаза.

Он усмехнулся.

– Лестно. Жаль, времени немного. Его высочество изволит спешить на Север. Это все ваши вещи? – Волорье окинул недоуменным взглядом два моих сундука и узел Макеши.

– Да. Лишко?

– Мало. Обычно женщины гораздо более запасливы.

– А зачем мне тащить свои платья на Север? – удивилась я. – Кого мне там удивлять и восторгать? Мне хватит. Нужно будет задержаться – швеи есть везде. К тому же не так уж и много у меня нарядов.

– Ладно, – Арман все же покачал головой и кивнул Макеши, как старому другу. – Мак, ты ведь умеешь править? Будешь кучером.

И прежде, чем я успела возмутиться – а какого это беса Волорье распоряжается МОИМ телохранителем – мой туземец кивнул и споро погрузил сундуки в дорожную карету с гербом Волорье на дверях.

– А где принц? – запоздало догадалась спросить я.

– Там, – махнул рукой граф. – Догоним. Ему очень не терпится ехать. Я не стал настаивать, он же потом весь износится, что я его задерживаю.

– Эта его баронесса? – понимающе кивнула я, усаживаясь в карету напротив Армана.

– Маркиза, – зачем-то уточнил он. – Маркиза Ленье.

Пожала плечами. Мне-то какое дело до увлечений его высочества? Он ведь по меркам Ранолевса совершеннолетний, а уж как он проводит ночи, меня и вовсе не касается. Более того, мне все это даже на руку. Я еду наедине с Арманом. Разве можно представить себе что-то более прекрасное.

– Прекратите раздевать меня взглядом, – буркнул Волорье, запрокидывая голову и прикрывая глаза. – Я уже говорил – вы мне как женщина неинтересны.

– Я переживу, – заверила его я. – Никаких интрижек, я поняла. А как друг? Мы можем стать друзьями?

Он приоткрыл здоровый глаз.

– Зачем?

– Мне страшно и одиноко здесь, – честно ответила я. – И вы – единственный, кому я доверяю.

– Зачем?

– Зачем доверяю? Вы честный и благородный мужчина. И раз уж вам я не нравлюсь, то еще и надежный. Ни на мой титул, ни на мой замок не претендуете, а это важно.

– И что требуется от вашего друга?

– Советы. На Севере, кажется, еще страшнее, чем здесь, в столице. Там нравы другие, более суровые. А вы там родились. И знаете, наверное, почти всех. Просто подсказывайте мне, кто мне враг, а кто нет. И помогите выбрать приличного жениха, который после свадьбы не запрет меня в башне и промотает мое имущество.

– Вас, пожалуй, запрешь, – проворчал он. – Но вы правы. Помощь вам очень нужна. И ехать одной на Север – форменное самоубийство. Почему Вазилевс просто не назначил вам супруга? Хотя... Пожалел, наверное.

Я надулась, а он вдруг улыбнулся по-доброму:

– Он сердится на вас. Что, не пустили его в спальню?

Мотнула головой, не зная, что ответить. Так он, вроде, и не приходил. Намекал разве что.

– Конечно, я вас не оставляю, – кивнул Арман, все еще улыбаясь. – Найдем вам самого лучшего жениха. У меня вот три младших брата. И у Регнара неплохой парень. Хотя нет, этот женится на ком угодно ради вашего замка...

Он зачем-то начал перечислять подходящих женихов, а я

злилась. Вот же... болван! Дубина! Форменный идиот!

11. Ниххонский театр. Акт первый

К вечеру мы достигли постоянного двора, на котором должны были встретиться с принцем. Там его, разумеется, не было. Хозяин сказал, что кавалькада всадников была здесь мимо еще днем. Как саранча налетели, быстро, буквально на ходу, сожрали всё, что было из съестного, расколотили пару тарелок, кинули кошель с золотом на пол и умчались дальше. К счастью – не остались ночевать.

Арман красноречиво стиснул зубы, не посмеяв рассказать, что это был кронпринц со своей шайкой, а не какие-то там разбойники.

– Так вот зачем он меня отправил за вами, герцогиня, – прошипел Волорье. – Чтобы я не мешал ему делать глупости. Конечно, я же старый зануда, со мной скучно!

– И что теперь? – я дотронулась до его рукава. – Дальше едем? Догоним?

– Я устал как собака, – буркнул граф. – От этой кареты голова распухла. Ночуем здесь. Догнать не догоним теперь, куда нам. Они быстрее.

– Оставляйте меня с Макеши и езжайте, – предложила я, видя, как он нервничает. – Купите себе коня... Догоняйте мальчишку.

– К чему? Я знаю, где его искать. К тому же я обещал о вас позаботиться. Бросить тут одну... не смотрите на меня

так! Ваш туземец неместный! А принц... с ним одиннадцать взрослых парней. Некоторые даже не совсем идиоты. Эй, хозяин! Две самые лучшие комнаты и ужин, да побыстрее. И ванну госпоже герцогине наберите.

Я прикусила губу, ощущая свою вину. Это из-за меня он так тащится. Был бы один – ехал бы верхом. Я ему только мешаю. Зато... когда у меня еще появится такая возможность?

Номера нам предоставили дверь в дверь. Я немедленно потребовала у Макеши один из своих сундуков. Поужинала, приняла ванну. Разложила на постели белое шелковое кимоно с красным поясом, расправила перья на птичьей карнавальной маске. Какая она громоздкая! Надо бы приобрести что-то более аккуратное. А все же – красивая невероятно. Золотой бисер на «клюве», алые перья, осыпанные полустертой позолотой. Провела пальцами – и теперь они заблестели. Не маска – произведение искусства. Мама рассказывала, что она передается у нас... у нее в семье из поколения в поколение. В этой маске ее мать встретила ее отца. В этой маске сама Авелин Ферн встретила своего ниххонского мужа. А я – пришла в ней к Арману, то есть, к Ю-Вею. Надеюсь, это судьба. Надо бы, конечно, вернуть маску – по всем законам она принадлежит Янголь. Но... чуть позже. Сестренка все равно еще очень мала.

Я гладила мягкие перья, понимая – оттягиваю неизбежное. Если уж решилась – нужно действовать. Выглянула в окно – уже давно стемнело. Пора!

Арман уже спал. Во всяком случае, до того момента, как я приоткрыла незапертую дверь. Это он очень, очень опрометчиво! Почему не задвинул засов? Ждал кого-то? Не меня ли?

Тихо прошла в маленькую комнату, шелестя шелком кимоно. Поставила поднос с чайником на крошечный стол, вернулась к двери и заперла засов. Кого бы он ни ждал – ему тут больше не рады.

– Виро... – негромко произнес по-ниххонски Арман. – Это сон? Ты – сон?

– Морок скорее, – прошепстела я на том же языке. – Спи, спи. Чай?

– Не откажусь.

Налила чаю (разумеется, особого, но теперь с тщательно просчитанной дозой сонной травы), с поклоном подала ему чашку. Он выпил медленно, не сводя с меня глаз. Его жизнь ничему не учит? Я могу спокойно предложить ему яду, да?

– Ю-Вей, я осталась тебе должна, – шепнула я, развязывая пояс кимоно и позволяя белому шелку соскользнуть с белых плеч. Боялась, что он примется играть в благородство, поэтому сразу пошла с козырей. – Надеюсь, ты не забыл.

Конечно, он не забыл! Даже имя запомнил! Мечтал обо мне? Надеюсь, мечтал.

– Собираешься отдать долг? – потянулся он на постели. Сквозь тонкую ткань его кальсонов я видела явственное возбуждение. – Какая... честная!

– Ничего личного. Ты заплатил. Я отдаю товар.

– Даже так!

Нет, а что ты хотел, мой милый? Ты же мне сам распи-
нался про честных шлюх. Вот, получи. Самая что ни на есть
честная. Насчет шлюхи не уверена, но ведь продаюсь? Во
всяком случае – он так думает.

Медленно покачивая бёдрами, я подошла к его постели.
Он сидел с пустой чашкой в руках, широко расставив ноги.
Встала между его колен, забрала чашку. Погладила светлые
взъерошенные волосы. Мягкие такие, тёплые. Моя грудь бы-
ла как раз на уровне его глаз. Устоит ли? С Ивой – вполне
себе устоял.

– Хочешь сказать, что все ещё невинна? – тихо спросил
Ю-Вей, касаясь костяшками пальцев так бесстыже затвер-
девших сосков.

– Проверь.

– И проверю. Я ведь заплатил... верно?

На миг мне стало страшно. А вдруг он из тех особенных
мужчин, которые получают удовольствие, причиняя боль?
Не похоже, конечно, но мало ли...

– Чего испугалась, цветочек?

– Боли, – честно ответила я.

– Не обижу, буду нежным, – он притянул меня на свое ко-
лено, уверено прижимая к своему телу, так, что затылок лёг
на его плечо. – Разве можно обижать таких нежных девочек?
Слушай, а маски поменьше у тебя нет? Мешает ужасно!

– Боюсь, что нет, – хихикнула я.

– Купи. Денег дать?

– А ты болтун.

– Ещё какой! – согласился Ю-Вей, лаская пальцами мою

грудь и мягко прихватывая соски.

Я заерзала, а он плотно обхватил левой рукой мою талию, не позволяя ускользнуть от острой ласки. Его зубы коснулись плеча. Я всхлипнула, дернувшись. Почему моё тело так реагирует на него?

Ах! Рука, отпустившая грудь, смело раздвигает мои колени, пальцы рисуют загадочные узоры на внутренней поверхности бедра. Я пытаюсь сдвинуть ноги в смятении, совершенно растерявшись.

– Нет, не смей, – гудит он мне в ухо и прикусывает мочку – почти больно. И сладко.

Пальцы его смело ныряют ниже, так уверено и властно. И нежно. Язык ласкает шею, плечо. Руки – там, где сейчас пылает самый настоящий огонь. Я выгибаюсь с жалобным стоном, забывая о том, зачем пришла. Невероятный!

Его пальцы дерзко вторгаются в мое лоно, гладят, ласкают... я уже не понимаю, что он со мной делает, только изви-ваюсь и поскуливаю от острых ударов удовольствия. Вторая его рука терзает грудь, в ягодицы упирается явственное сви-детельство его равнодушия. Так... невозможно прекрас-но! Он везде. Его много. Руки, губы, острые зубы на моем плече. Движения пальцев всё быстрее, всё настойчивее. Ю-

Вей тяжело дышит мне в ухо. И словно огненной вспышкой по телу разливается сладкая истома и слабость. Что же это? Неужели то самое – высшее удовольствие, изливание женской энергии? Но... так нельзя! Мужчина не должен! А как же он сам?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.